

НАТАЛИЯ ПОЛЯНСКАЯ
ЕКАТЕРИНА ГЛУБОКОВА

У
ВЫЙТИ ЗАМУЖ
ЗА СТАРПОМА

Екатерина Глубокова

Выйти замуж за старпома

«Автор»

2003

Екатерина Глубокова

Выйти замуж за старпома / Екатерина Глубокова — «Автор»,
2003

ISBN 978-5-043-56595-2

Лиза Данилова не привыкла в чем-то перечить отцу – владельцу крупной финансовой корпорации, прочащему дочь в преемницы. Только вот Лиза совсем не годится для управления компанией: она невероятно застенчива, боится разговаривать с людьми и принимать решения... Когда папа отправляет ее на три месяца капитаном на принадлежащий ему клипер «Лаксис», Лиза приходит в ужас. Но деваться некуда. Теперь придется командовать матросами, постигать азы корабельной науки и постараться не влюбиться в старпома Валерия Катанского, который – вот кошмар-то! – практически идеален.

ISBN 978-5-043-56595-2

© Екатерина Глубокова, 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталия Полянская, Екатерина Глубокова

Выйти замуж за старпома

Глава 1

Лизонька Данилова совершенно выбилась из сил: протащить тяжеленный чемодан от начала платформы до четырнадцатого вагона – задача непосильная для хрупкой девушки. Добравшись, наконец, до нужного вагона, Лиза обреченно вздохнула: проводница выглядела еще более прозрачной, чем она, – значит, нести чемодан до своего купе придется самой... Господи Боже мой! Она еще даже не уехала из Москвы, а жизнь уже кажется непереносимо трудной.

Дрожащей рукой девушка протянула билет и паспорт – не по-московски злое солнце выпивало все силы до дна. Вечер не принес облегчения, на оплавленных платформах Ленинградского вокзала жарились раскаленные поезда.

– Добро пожаловать, Елизавета Петровна! – вежливо улыбнулась проводница, возвращая ей паспорт.

Сервис за последние годы достиг невиданных высот.

В купе спального вагона было прохладно, работал кондиционер. Лиза из последних сил устроила чемодан в багажное отделение и вздохнула с облегчением. Можно считать, что в поезд она села без приключений.

«Что удивительно», – прошептал внутренний голос. Лизонька удрученно вздохнула: ну почему она такая неловкая и несамостоятельная?

– Елизавета, ты моя единственная дочь.

– Да, папа, – робко прошептала Лизонька, украдкой наблюдая за своим отцом – известным бизнесменом Петром Николаевичем Даниловым, который сосредоточенно раскуривал трубку.

Почему папа вызвал ее в свой рабочий кабинет? Обычно в эту комнату никому не было позволено входить. Лиза с опаской осмотрела темные дубовые панели, монументальный письменный стол, малахитовое пресс-папье и письменный прибор. Станным диссонансом в этом георгианском интерьере смотрелся ноутбук последней модели. Какое мрачное помещение! Девушка зябко повела плечами и принялась протирать очки, как делала всегда, когда нервничала. Если папа начинает разговор со слов «Елизавета, ты моя единственная дочь», то ничего хорошего ждать не приходится. Ну почему, почему она не может стать такой же сильной и решительной, как отец?

– Ты – единственная наследница всего моего состояния и моего дела.

О, это самое страшное! Хуже ничего быть не может. Сейчас папа скажет ей, что все лето она опять будет должна ходить в офис компании и учиться, как это он называет, вести дела. Это ужасно! Ужасно! Нет, Лизоньке не составляло труда разобраться в хитросплетении деловых механизмов, ее не смущала рутина бумажной работы, ей даже нравилось планировать, придумывать что-то новое, смотреть, как живет и дышит огромная машина финансовой корпорации... Но! Отдавать приказы людям, принимать решения, одним росчерком пера уничтожать конкурентов! Это кошмарно. Даже простая просьба к секретарше – принести кофе – превратилась для Лизы в неразрешимую проблему.

Петр Данилов горестно вздохнул: с самого раннего детства его доченька предпочитала книги шумным играм с ровесниками. Постепенно некоторая необщительность превратилась в робость и стеснительность, а его чрезмерная опека сделала дочь нерешительной и неприспо-

собленной к суровым реалиям жизни. И вот теперь... Теперь перед ним стоит почти невыполнимая задача: за короткий срок подготовить дочь к управлению корпорацией. Он понимал, что Лиза – редкая умница, но абсолютно не приспособлена к жизни. К жизни, с которой ей придется столкнуться уже через несколько месяцев...

Лизонька ждала продолжения разговора, как приговора.

– Ты, дочь, отправишься в путешествие, – твердо, даже сурово провозгласил отец.

– Путешествие? – встрепенулась Лиза. – Куда?

Любое путешествие будет лучше, чем сидение в папином кабинете. Хотя, и ехать куда-либо ей тоже не хотелось: чужие постели, отсутствие любимых книг, расставание с Бонапартом – пушистым персом... Больше всего Лизоньке хотелось бы провести лето на даче в Переделкино: сосновый лес, тишина, ласковое солнце, приличная библиотека, благословенное одиночество. Что может быть лучше?

– Куда – это ты сама решишь. Это будет не простое путешествие: ты поплывешь на «Лаксис», – сообщил отец.

– На «Лаксис»? – Лиза знала, что у отца есть парусное судно, клипер, но зачем ехать куда-то таким варварским способом? Качка, маленькая каюта... То, что называется романтикой. Зачем ей такая романтика?

– Да, на «Лаксис», причем поплывешь капитаном, – непререкаемым тоном припечатал Петр Николаевич.

– К-капитаном? – Лизоньке показалось, что она видит дурной сон. Или что папа получил солнечный удар и теперь бредит. – Но за что? За что мне такое наказание?

Петр Данилов вздохнул и выбил на полированной столешнице дробь, очень напоминающую первые три такта «Тореадор, смелее в бой». Наказание! Черт подери! Его любимую «Лаксис» назвать наказанием!

– Елизавета! Я так решил. Тебе пора учиться управлять людьми. В кабинете тебе это плохо удастся – всегда можно спрятаться. На клипере прятаться будет некуда.

– Но, папа!..

– Никаких «но, папа»! Никаких! Тебе двадцать два. Через год ты оканчиваешь институт, я уже не молод – на кого мне оставить компанию? Ты поплывешь, даже если мне придется доставить тебя на корабль связанной по ногам и рукам. – Петр Николаевич грозно покосился на непокорную дочь.

– Хорошо, папа, – как всегда, мгновенно уступила она. – А как же морские права?

Лиза отлично знала, что на мостик, как и за руль, без прав нельзя. Сам отец получил их несколько лет назад, когда и купил «Лаксис». Она, Лизонька, кораблем никогда особо не интересовалась, а вот Петр Николаевич был страстным поклонником морских путешествий. И несколько раз рассказывал, что получить «корочки» для управления судном не так просто, как кажется. И они обязательны. Пустить на борт и поставить главной Лизоньку – нарушение всех правил.

– Об этом не беспокойся. Права ты получишь, когда выучишься и приобретешь опыт. Формально, по документам, главным в плавании будет считаться старший помощник капитана. Но ты пройдешь обучение, и как только будешь готова, получишь права. А практически всем на судне должна будешь управлять ты. Это частное владение, и там всё будет так, как я скажу.

Девушка тяжело вздохнула. Если старший помощник главный по документам, то, может, он согласится быть главным и на деле... Пустые мечты. Наверняка папенька дал этому самому помощнику подробные инструкции. Петр Николаевич ни одной мелочи не оставлял без примотра.

– Но куда мне плыть? И когда возвращаться?

Лиза надеялась, что испытание окажется не очень трудным: пара недель в Средиземном море...

– Не раньше, чем через три месяца! – разрушил отец ее надежды. – «Лаксис» стоит в Питере, куда ты завтра и поедешь – билет у секретарши.

Питер! Балтика! Холодные волны, белые ночи... Бр-рр! Кошмар!

– Завтра! Папа, может, через недельку?

– Завтра! – Петр Данилов поднял трубку давно разрывавшегося телефона, давая понять, что разговор окончен.

И вот Лиза Данилова сидит в купе «Красной стрелы», которая мчит ее в Питер. Три месяца! На маленьком кораблике, в обществе угрюмых матросов, в открытом море. И она – капитан! Что она знает о парусниках? Что у них есть паруса. Много парусов. Предположительно, белых. Бывают алые, но это для везучих девушек. Еще есть трюм и мостик. И реи – на них вешают неугодных членов команды и свергнутых капитанов. Лиза вздрогнула, представив себя висящей на рее: в том, что окажется неугодным капитаном, она не сомневалась. Живое воображение моментально нарисовало ей сцену экзекуции: толпа бородатых одноглазых – все как один, матросы были одноглазыми, как это ни странно, – субъектов затягивает на ее шею толстую веревку.

Какой кошмар! Почему отец так поступает с ней? От невеселых мыслей Лизу отвлек стук в дверь: проводница принесла чай. Позабыв обо всех своих проблемах, девушка приступила к чаепитию, одновременно раскладывая пасьянс «Могила Наполеона» на своем маленьком дорожном ноутбуке. Если отрешиться от покачивания вагона, можно представить, что находишься дома, в кресле у телевизора...

Вот, опять! Лизонька горестно вздохнула, и откусила кусочек печенья: и телевизора она теперь три месяца не увидит...

Тверь промелькнула туманным призраком: темный перрон, редкие фонари – в спальный вагон никто не садился, проводница даже дверь не открывала. Пора ложиться спать.

Лиза извлекла из несессера недочитанного Мураками и устроилась под одеялом: даже если завтрашний день будет ужасным – сегодня она насладится чудесной книгой. Книжки, кстати, составляли основную часть ее неподъемного багажа: наряды Лизонька не любила, обходилась любимыми джинсами «Висконсин» и парой футболок, косметикой тоже предпочитала не пользоваться. Ее истинной страстью были книги: все, от классического Достоевского до современных Коэльо и Мураками. Бульварное чтиво девушку не привлекало: как можно получить удовольствие от изложенных плохим стилем страстей викторианских вельмож или от кровавых современных детективов? Разве можно сравнивать сцены войны или любви в хэмингуэвском «По ком звонит колокол» с современными «Страданиями Бешеного»?

Впрочем, нынешние нравы Лизонька предпочитала не замечать: зачем расстраиваться, если можно сидеть в уютном кресле с хорошей книгой? Да, и удобного кресла ей, судя по всему, теперь долго не увидеть... За что? За что, позвольте спросить, такое наказание?

Окончательно расстроившись, Лиза отложила книгу и принялась смотреть в окно: ничего не было видно. Ну, или почти ничего: изредка мелькали желтые огоньки деревень, черными призраками кружились деревья на фоне чуть более светлого неба, иногда смутно поблескивали отраженным светом озера. Девушка почувствовала, что такой же призрачный мир ждет ее впереди: абсолютно нереальное море, люди, корабль... Все полустертое, чуть намеченное, еще только приобретающее плоть. Как будто весь мир замер, ожидая ее прибытия, ее решения.

Где-то около гранитной набережной Невы свинцовые волны качают деревянный корабль, пахнет морем, светлое небо перечеркнуто крыльями разводных мостов... И молодой шкипер стоит на носу корабля, ожидая ее... Стоп! Это уже лишнее. Какой такой шкипер? Скучных знаний Лизы о кораблях хватало, чтобы припомнить, что шкипером называют капитана, а капитаном предстоит стать ей. Так что романтических шкиперов ждать не приходится. И не очень-то хотелось.

В жизни все далеко не так романтично: маленькая каюта, плохая еда – трудно ждать от корабельного повара ресторанных изысков, – скука, качка, запах рыбы... И необходимость принимать решения, отвечать за жизни других людей – вот что самое неприятное. Невозможно! Никогда она не сможет стать капитаном корабля. Самое большее, на что она способна, – это посадить «Ляхесис» на первую же встретившуюся мель. Или врезаться в нефтяной танкер. Нет, в танкер нельзя, ни в коем случае: нефть разольется, тюленей жалко.

Лиза настолько прониклась жалостью к морским обитателям, что даже всплакнула. Бедные животные! Картина погибающего клипера, сделавшего огромную пробоину в гигантском танкере, предстала перед ее глазами, как живая. И вот она, Лизонька Данилова, барахтается в липкой черной нефти, погружаясь все глубже и глубже... Вдруг сильная рука выхватывает ее из воды – это героический шкипер втаскивает ее на борт спасательной шлюпки.

Лиза не заметила, как уснула. Нефть в сновидении сменилась теплым песком, а у шкипера оказались чудесные зеленые глаза.

Глава 2

Проснулась Лиза в Бологом. «Это что за остановка: Бологое или Поповка?» – строчка крутилась в голове и мешала заснуть. – «А с перрона говорят...» Перрон освещался слабо, однако, легко можно было разглядеть какое-то оживление: видимо, стоянка короткая, а пассажиров много. Полусонные люди, почти спящие проводники... От Лизоньки же сон сбежал окончательно, зато вернулись грустные мысли...

Всю жизнь, сколько себя помнит, она пряталась в тени отца: он был ее богом и кумиром, ее единственно близким человеком. Мать Лизонька не помнила, женщина, родившая ее, оставалась всего лишь фотографией: яркая черноволосая красавица с какой-то отрешенностью во взгляде. Отец не всегда был богат: Лиза в детстве ходила в самый обычный садик, потом в самую простую начальную школу, да и жили они в маленькой двухкомнатной квартирке.

После школы Лиза шла домой, делать уроки – она всегда была послушной девочкой, желания побегать по двору с одноклассниками у нее не возникало. Весь остаток дня, до возвращения папы с работы – он служил в статистическом бюро – Лизонька проводила в одиночестве, среди книг. Книг у них было превеликое множество, полки занимали целых две стены в большой комнате, где жил папа: собрания сочинений и отдельные тома, классические произведения и детективы, фантастика и философия. Книги стали ее единственными друзьями, ее окном в мир, ее миром. Лиза представляла себя то бесстрашным пятнадцатилетним капитаном, то принцессой, фантазия уносила ее прочь от тишины и одиночества, из пыльной Москвы. Мир за пределами квартиры казался нереальным и чужим.

Потом приходил папа, и они ужинали: крохотная кухонька, стол, порезанная и выцветшая клеенка:

– Кем ты сегодня была, Елизавета? – папа варит пельмени, а Лиза отрезает уголок у треугольного пакета молока.

– Констанцией!

– «Три мушкетера»? – папа задумывается на минутку. – А почему не д'Артаньяном?

– Ты что, я так не смогу!

Отец отвлекается, и разговор прекращается.

Потом начался дикий капитализм, отец разбогател, но Лиза осталась совсем одна: они переехали в загородный дом. С соседями там общаться было не принято, детей ее возраста рядом не оказалось – девочка-подросток осталась на попечении гувернантки. Амалия Викторовна была доброй женщиной, но немного старомодной: Лиза научилась говорить на трех языках, изучила тонкости этикета, бальные танцы, и при этом ни разу не была на дискотеке или в Макдональдсе.

Поначалу Петр Николаевич устроил любимую дочь в элитную школу, но очень скоро обнаружилось, что менее всего сие заведение было нацелено на образование – так Лиза осела дома. Заочно училась в Кэмденской английской женской школе – отпустить от себя дочь Петр Данилов не решился, – экстерном сдавала программу школы общеобразовательной, гуляла по бесконечному саду при доме и читала, читала, читала...

Те редкие свободные мгновения, что господину Данилову удавалось урвать, он старался проводить с дочерью: они оставались близки – два странно одиноких человека. Дочь внимательно слушала его рассказы о бизнесе, старалась во все вникать. Нескладный подросток в очках и старых джинсах. «Мне так хочется быть достойной тебя, папочка!»

Время шло, а гадкий утенок так и не превращался в лебедя: зеркало Лизу не радовало, хотя расстраиваться из-за таких пустяков она не собиралась. Амалия Викторовна любила повторять известные строки Заболоцкого: «Что есть такое красота, и почему ее обожествляют

люди: сосуд, в котором пустота – или огонь, мерцающий в сосуде?» Огня, впрочем, Лиза в себе тоже не обнаруживала. Вот папа... Самый лучший, самый умный.

Время шло, Лиза абсолютно самостоятельно поступила в Мгимо, на факультет международного бизнеса и делового администрирования, жизнь, казалось бы, должна была забить ключом, но... Не привыкшая общаться с ровесниками, она так и не завела близких друзей. Парни не обращали на нее внимания: кругом было полно и других богатых наследниц, но эти другие были еще и красивы. Пару раз ее все-таки приглашали на вечеринки, однако Лиза возвращалась оттуда задолго до строго указанных папой двенадцати часов: громкая музыка, алкоголь, все быстро разбивалось на парочки – и никто не собирался обсуждать последние книжные новинки и пить чай, как Лиза привыкла в компании подружек Амалии Викторовны.

Лизоньке не казалось, что что-то в ее жизни идет не так, она даже была по-своему счастлива, пока... Пока папа не прозрел, как он это называл. Вдруг оказалось, что все в Лизе не так: и уступчивость, и спокойный характер, и вежливость, и манера одеваться, и постоянное чтение – а главное, главное, то, что она ни с кем не общается и на все вопросы и пожелания отвечает: «Да, папа, конечно, папа!»

Лизонька очень любила папу, но стать такой, как он хотел ее видеть, не могла. Такое положение вещей очень ее расстраивало. До слез. «Слезами горю не поможешь!» – здраво рассудила она, но дальше рассуждений дело не пошло: единственное, что Лиза могла сделать, чтобы заслужить одобрение отца – это перестать быть собой. Как это осуществить, она не знала.

«Спрятаться, не попадаться на глаза», – твердила Лизонька, как мантру. Эти слова стали символом и девизом последних четырех лет. Проводя все летние каникулы в папиной конторе, Лиза постигала принципы и основы. И чем больше она узнавала, тем больше уважала отца, возторгалась им. Гениальный ум, воля, сила и характер – все то, чего нет у нее, – позволили Петру Данилову достигнуть вершины. Корпорация жила и дышала, каждый был на своем месте... кроме нее. Тень, призрак, нескладное привидение.

Она хорошо научилась планировать и анализировать, но отец, казалось, хотел от нее другого. «Командовать, управлять». Ужас. Отец любил ее, Лиза это знала, но почему тогда в его взгляде, его лице проскальзывает порой что-то такое... Будто она – его разочарование, а не любимая дочь. «Спрятаться». Чтобы не видеть этого, не чувствовать себя ничтожеством.

– Елизавета, ты должна общаться с одноклассниками!

– Да, папа! – и опять *это* выражение его лица.

«Ты должна».

«Да, папа».

«Ты должна».

«Конечно, папа».

«Папа, что мне сделать, ну, что?»

И вот теперь она должна выполнить волю отца – это ее последний шанс. Шанс стать такой, чтобы папа ею гордился.

Но как, как? Как можно в один день стать капитаном? «Упасть с вагонной полки, получить сотрясение мозга, амнезию – и перестать быть Лизонькой». Очень мило. Лиза оценила высоту полки вагона и поняла, что получить сотрясение мозга, а тем более амнезию, шансов мало. К тому же, получив амнезию, она-то позабудет о своих проблемах, а вот отец – нет. «Сочини еще папе амнезию. Гениально».

Почему все люди такие разные? Почему для одних ты – милая девочка, а другим нужно от тебя совсем иное? Вот, например, Амалия Викторовна: для нее признаками хорошего человека являются манеры, образование и воспитание. Для нее Лиза – идеальная девушка. Ее одноклассники – совсем другие. Им нужно хорошенькое личико, модная одежда, богатые родители. «По двум пунктам не прошла». А вот что нужно папе...

Подумав минут пять над сей проблемой, Лизонька сочла ее неразрешимой и уснула.

Петр Данилов, тем временем, думал, правильно ли он поступил, отправив дочь в это путешествие. Всю жизнь Данилов боролся: с обстоятельствами, с конкурентами, с врагами... Всего он добился сам, все превозмог. Не смог он только победить смерть: рано овдовел, оставшись с маленькой дочкой на руках, и теперь... Теперь остается бросить Лизоньку в воду – и надеяться, что выплывет. Но поможет ли такой экстремальный вариант? Или стоило бы подойти к проблеме с другой стороны?

Не придя ни к какому решению, Данилов отправился спать: время позднее, да и утро вечера, как известно, мудренее. Огромный дом, где все устроено по его вкусу. «Именно. Такое впечатление, что здесь и не живет никакая Лиза. Все, как нравится тебе». Только недочитанная книга на диване. Кругом идеальный порядок, ни пылинки, пахнет трубочным табаком. Никаких девичьих безделушек, будто Лиза и не выходит за пределы своей комнаты. Да и в ее комнате только книги и компьютер.

Данилов грустно вздохнул.

– Мяу! – Бонапарт, Лизин кот.

– Что «мяу»? Уехала твоя хозяйка?

– Мяу! – подтвердил кот.

– Скучаешь? Вот и я скучаю. – Петр Николаевич присел на диван и приглашающе похлопал рукой. – Иди сюда.

Кот грациозно вспрыгнул на диван и потерся о руку.

– Погладить? Или за ухом почесать?

Бонапарт царственно покосился на мужчину: что за глупые вопросы – и то, и другое, конечно.

– Глупое ты животное, вот почесали тебя, ты и счастлив.

Кот изогнулся дугой и уничижительно фыркнул: чего же еще, мол, надо для счастья? Разве немножко кошачьих консервов и мягкую подушку... Бонапарт предпочитал спать с Лизонькой, уютно свернувшись у хозяйки под боком.

– Пойду-ка я спать. – Разговаривать с котом, конечно же, глупо, а что делать.

Бонапарт решительно направился за мужчиной. Петр Николаевич не замечал преследователя, пока тот возмущенно не мяукнул, едва успев проскочить в закрывающуюся дверь спальни. Кот по-хозяйски запрыгнул на кровать, потоптался и улегся на подушку.

– Вот наглое животное!

Кот приоткрыл один глаз, фыркнул и сделал вид, что заснул окончательно.

– Грехи мои тяжкие! – протянул Данилов и осторожно, чтобы не потревожить кота, залез под одеяло.

Кот уютно мурчал. Некоторое время Петр Николаевич вслушивался, боясь пошевелиться, а потом уснул так спокойно, как не спал уже много дней.

И сны ему снились счастливые.

Глава 3

За ночь чемодан легче не стал, поэтому по перрону Московского вокзала Лиза передвигалась мелкими перебежками: доверить свой бесценный багаж подозрительным личностям с нашивками «Носильщик» на не очень чистых робах она не решилась. Таксисты на площади доверия тоже не внушали, но пришлось воспользоваться их услугами – добраться пешком до порта казалось абсолютно невозможным.

Питер встретил Лизоньку необычным для него ярким солнышком, несмотря на раннее утро ощутимо припекало. Доставшееся девушке такси оказалось раритетной колымагой, звенящей всеми запчастями, ни о каком кондиционере и речи не было. Кошмар! Таксист, к слову, проявил себя как камикадзе чистой воды: машинка летела с явным превышением скорости, причем, водитель успевал лихо крутить руль, без умолку разговаривать с пассажиркой и слушать безбожно хрипящее радио. Лиза побелевшими пальцами вцепилась в несесер и не отвечала на многочисленные вопросы безумца-таксиста.

Отец ее с того света достанет, если задуманное им путешествие оборвется из-за встречи с каким-нибудь столбом на Невском. А такой исход представлялся весьма вероятным, принимая во внимание маневры такси.

Каким-то чудом удалось добраться до порта целой и невредимой. Лиза выбралась из продавленного кресла чуда советского автомобилестроения и, не торгуясь, рассчиталась с водителем-самоубийцей. Теперь перед ней стояла очередная проблема: как найти в этом безумном хороводе портовой жизни «Лакхесис»? Никто не обращал на девушку ни малейшего внимания: сосредоточенные мужчины бодро пробегали мимо, озабоченные, видимо, мировыми проблемами, маленькие машинки катались по сложным траекториям... Вдали четкими силуэтами на фоне неба выделялись стрелы подъемных кранов, огромные туши грузовых судов. Как в этом хаосе можно отыскать маленький парусник?

«Спроси у кого-нибудь». Сейчас.

– Извините... – мужчина пробежал мимо, даже не повернув в ее сторону головы.

– Скажите, пожалуйста...

– Пожалуйста, – ответил парень в спецовке и поспешил дальше.

– Вы мне не подскажете?..

– Справка в здании администрации.

Господи, хоть кто-то сказал что-то осмысленное. Здание администрации. Лиза попыталась определить по внешнему виду, какое из расположенных поблизости зданий – администрация. Решила, что самое красивое, и не ошиблась. Войдя в холл, девушка вздохнула с облегчением: здесь работал кондиционер, и виднелось окошечко с вывеской «Справка».

За окошком оказалась милая девушка, которая, выслушав Лизоньку, пощелкала немного клавишами компьютера и высказалась крайне непонятно:

– «Лакхесис»: парусник, флаг – Россия, порт приписки – Санкт-Петербург, класс – клипер, владелец – Данилов, пятнадцатый причал.

Через минуту Лиза отважилась повторить вопрос, но в ответ услышала лишь ту же самую фразу, слово в слово. Пароль, не иначе. С ненавистью посмотрев на свой багаж, девушка вышла на улицу и попыталась восстановить в памяти полученный пароль, но припомнила только самый конец: пятнадцатый причал.

Все мытарства сегодняшнего утра настолько утомили Лизоньку, что она даже немного подрастеряла вежливость, впитанную с молоком матери. Девушка поправила очки и решительно ухватила за рукав первого встречного:

– Пятнадцатый причал! – взмолилась она.

– Направо за таможенным терминалом, потом все время прямо. – Вполне удобоваримый ответ, как это ни странно.

– Спасибо большое!

На благодарность человек внимания не обратил, осторожно вытащил рукав из вцепившихся в ткань мертвой хваткой пальцев девушки и сосредоточенно двинулся в неизвестном направлении.

Уже схватившись за ручку чемодана, Лиза поняла, что забыла спросить о местонахождении этого самого таможенного терминала. Господи, она еще никуда не уплыла, а уже столько трудностей! Может, если она сейчас пожалуется папе, то он не станет отправлять ее в это безнадёжное путешествие? Нет, стоит только пожаловаться сейчас – и отец никогда больше не поверит в нее...

Если бы Петр Данилов мог увидеть сейчас Лизу, то он, несомненно, узнал бы то выражение, что появилось на лице его единственной дочери – он узнал бы себя: упорство, решимость идти до конца, какие бы препятствия ни вставали на пути.

Решив, что детищу итальянской галантерейной промышленности не повредит небольшое соприкосновение с портовым асфальтом, Лиза потащила чемодан за собой за длинную ручку. Девушка здраво рассудила, что причалы должны быть на берегу, и направилась в сторону моря. Минут через десять она увидела огромный ангар с надписью «Custom» – желтыми трехметровыми буквами.

Помянув добрым словом несомненно благосклонные к ней высшие силы, Лизонька повернула направо. Названия первых десяти кораблей она прочитала внимательно, потом пришла к умозаключению, что ни танкером, ни океанским лайнером «Лаксис» быть не может, и принялась выискивать хоть что-то напоминающее парусник, изображенный на картинке в «Алых парусах» Грина. Паруса, надутые ветром, и Грей за штурвалом... Нет, Грея там не будет. Там будут суровые и грубые морские волки. Одноглазые, а некоторые – и одноногие. «С попугаем».

Боже, о чем она думает? Попугаи, команда инвалидов второй группы с частичной потерей трудоспособности... И она в роли капитана: широту от долготы не отличает, галсы с швартовыми путает, боцмана и лоцмана считает братьями-близнецами. Чудесно.

Погруженная в свои невеселые мысли, Лиза и не заметила, как добрела до относительно малолюдной части порта: здесь было почти пустынно, зато у причалов стояли исключительно дорогие частные яхты. Если бы папа отправил ее капитаном на такой вот яхте... Или на вот такой... Тогда путешествие стало бы достаточно комфортным и даже привлекательным. Еще раз тяжело вздохнув при мысли о своей незавидной доле, Лизонька двинулась дальше.

Уже почти полдень, солнце начинало припекать все сильнее, а багаж становился все тяжелее. Пятнадцатого причала не наблюдалось, как и клипера. Обойдя очередную кучу веревок непонятного назначения и потрясающей воображение толщины, Лизонька замерла: парусник предстал перед ней во все красе. Тонкие мачты, идеальные пропорции корпуса, золотая фигура Лаксис, Вынимающей Жребий – одной из трех мойр, богинь судьбы... Вот только трапа почему-то не видно.

Мысли шевелились еле-еле – из-за жары, видимо, – поэтому Лиза не сразу сообразила, что стоит обойти парусник с другой стороны, и трап обнаружится. Всего пару раз споткнувшись о какие-то железные штуки, девушка обогнула корабль и вышла на пирс. Оказалось, что с этой стороны «Лаксис» привязана толстым канатом к невероятных размеров гвоздю, вбитому в бетон, – или как это называется по-морскому? И трап тоже тут был, но его Лиза заметила не сразу, потому что на этом самом гвозде сидел самый натуральный шотландец в килте.

Клетчатая юбка в складочку смотрелась весьма легкомысленно на этом сидящем мужчине за пятьдесят – особенно в комплекте с белыми гольфами и тяжелыми ботинками, не

говоря уже о тельняшке с закатанными рукавами. «Горец» курил длинную трубку и напевал что-то на непонятном языке, вероятно, на гэльском.

– Галлюцинация. От жары, наверное, – констатировала Лиза, уронив со стуком чемодан.

Шотландец выпустил очередное колечко дыма и обратил внимание на девушку. Зрелище, надо сказать, было незабываемое: растрепанные волосы, сползшие на кончик носа очки, дрожащие коленки и покрытый пылью чемодан невероятных размеров.

– Извините, вы не подскажете – это «Лакесис»? – отдышавшись, срывающимся голосом спросила Лиза.

– «Лакесис», – подтвердил «горец» и вопросительно уставился на девушку.

– Вы знаете... Я не знаю, с чего начать...

– С начала, – мужчина, кажется, потерял к ней всякий интерес и снова принялся выпускать колечки дыма.

– И сказал Он: «Да будет свет!» – и стал свет... – Единственным спасением в абсурдных и неловких ситуациях для Лизоньки всегда был юмор.

– О! – шотландец рассмеялся и даже опустил трубку. – Это начало я знаю. С другого начала. Давайте познакомимся.

Говорил по-русски мужчина очень чисто, но что-то неуловимое выдавало в нем иностранца.

– Ян МакКеллен, боцман «Лакесис».

– Лиза Данилова. И я, видимо... – Девушка робко взглянула на странного шотландца, оказавшегося боцманом ее корабля.

Боцман... Ноги и глаза, кажется, у него на месте. Может, все не так уж плохо? Да и попугаев не видно. И Ян МакКеллен звучит гораздо лучше, чем Джон Сильвер...

Окончательно смутившись, Лиза нашла в несессере пухлый конверт с надписью красным маркером «Боцману», полученный у секретарши отца, – документы, подтверждающие ее капитанство и соответствующие распоряжения команде.

– В общем, наверное, я теперь ваш капитан. – Лиза протянула конверт МакКеллену. «Стоит ли мне величать его мистером?»

– Дочка хозяина? Капитан? Старикан, видимо, совсем умом тронулся, – пробурчал боцман, но вскрыл конверт.

Поняв, что ждать придется долго – уж очень толстым был этот самый пакет, – Лиза присела на чемодан. Этот человек назвал ее отца стариканом – и вообще отозвался о нем в весьма вольной манере... Лиза знала, что отец проводил свои отпуска на море, но что между ним и командой существовали такие отношения? Это совершенно не укладывалось в голове.

Если боцман на «Лакесис» – шотландец, то какие сюрпризы еще ее ожидают? Первый помощник – чукча? Представив моряка в унтах и оленьих шкурах, Лиза улыбнулась. В первом же порту их корабль назовут «Сумасшедший клипер». «Если мы вообще куда-нибудь доплывем, с таким капитаном».

Усталая, она не заметила, как задремала: в поезде спалось плохо, солнышко пригревало... Очнувшись Лизонька от прикосновения к плечу:

– Госпожа капитан, добро пожаловать на «Лакесис». – Мистер МакКеллен вытянулся во фронт, даже берет с кокардой надел.

– О! – Лиза заморгала, пытаясь стряхнуть дрему. – Да, конечно.

Чемодан боцман благородно взял на себя. Поднимаясь на борт по тонкой дощечке, гордо поименованной боцманом трапом, девушка слышала, как за ее спиной мистер МакКеллен весьма критически оценил умственные способности ее отца. Может, он прав? Как, если не сумасшествием, можно назвать всю эту затею с путешествием под парусом?

– Я провожу вас в вашу каюту. То есть, в каюту капитана.

Лиза пробиралась по палубе вслед за боцманом, обходя всякие странные штуки. Господи, как здесь ходят люди. Матросы, например. Кстати...

– Извините, скажите, пожалуйста, где вся команда? И сколько их вообще?

– Экипаж «Лакесис» – двадцать восемь человек. Сейчас команда состоит из двадцати матросов, боцмана, кока, двух лейтенантов, связиста и судового врача. Обязанности капитана исполнял я, – бодро отрапортовал Ян. – В настоящий момент все находятся на берегу в увольнительной, но вернутся на борт к четвертой склянке пятой вахты.

Лиза вопросительно взглянула на боцмана, но переспросить не решилась.

– К восемнадцати ноль-ноль, – снизошел МакКеллен, насладившись ее замешательством.

Боцман распахнул перед Лизой двери каюты: маленькая комнатка с узкой кроватью, но на полу лежал узбекский ковер, стены обшиты дорогими деревянными панелями, мягкий свет лился из большого окна... «Иллюминатора», – поправила сама себя девушка. Кроме кровати, в каюте был письменный стол с удобным креслом, встроенный шкаф, полки с книгами – на них Лизонька обнаружила свободное место для привезенной с собой небольшой библиотеки, – дверь в углу вела в крошечный санузел. Слава Богу, что хоть такой, но отдельный: не придется стоять в очереди с матросами. Хотя, ее, как капитана, должны бы пропустить без очереди.

Закончив осмотр, Лиза обратилась к боцману:

– Мистер МакКеллен...

– Боцман МакКеллен, капитан.

– Б-боцман МакКеллен, что мне делать дальше?

– Приказы здесь отдаете вы. Я немедленно сделаю запись в журнале о передаче командования. – Шотландец внимательно посмотрел на Лизоньку и замер, ожидая распоряжений.

Вот оно, началось. Приказывать, причем в той области, в которой она совсем не разбирается. Кошмар!

– Э-э-э... Боцман, мистер МакКеллен... Пожалуйста...

«Горец» молчал, как истукан, продолжая сверлить ее насмешливыми черными глазами.

– Папа сказал, что первый порт, куда мы должны зайти – Амстердам, – прошептала одними губами Лиза. – Как только вернется команда, мы отплываем в Амстердам! – стараясь, чтобы голос звучал решительно, громко заявила девушка. – Командование до завтра доверяю вам, – уже почти шепотом закончила она.

– Есть, капитан! Какие еще будут приказания, капитан? – гаркнул боцман.

Лизонька подпрыгнула от неожиданности.

– Н-никаких. Можно, я останусь до утра в каюте, мистер МакКеллен?

– Боцман МакКеллен. Вы вольны делать все, что угодно. Разрешите идти?

– Пожалуйста, конечно, идите.

Шотландец вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Лизонька без сил рухнула на кровать и расплакалась. Этот человек совсем не склонен принимать ее всерьез, этот боцман просто смеялся над ней. Какой ужас, Господи, какой ужас!

Наплакавшись вволю, Лиза незаметно уснула и не слышала суеты отплытия, не почувствовала, как заскрипели мачты, когда распустили паруса, не видела, как стремительной птицей пролетел клипер по лунной дорожке, стелившейся по свинцовым волнам Финского залива.

Огни Питера скрылись за горизонтом.

Глава 4

Пробуждение оказалось приятным: ласковый луч солнца пробрался сквозь бамбуковые жалюзи, закрывавшие окно; пахло морем и живым деревом. Сладко потянувшись, Лиза, не открывая глаз, нашарила на тумбочке очки. Как она замечательно выспалась!

Но, стоило открыть глаза, как хорошее настроение махнуло хвостиком: это капитанская каюта «Лаксис», и за этой дубовой дверью ее ожидают одноглазые попугаи и говорящие боцманы... Или наоборот? Лиза была законченной «совой», поэтому стройность мыслей просыпалась не вместе с ней, а где-то в районе второй чашки кофе. Интересно, а как на корабле можно заполучить этот самый кофе?

Завершив ритуал утреннего воскрешения в рекордные для себя сроки – примерно за час, – Лизонька отважилась высунуть нос из каюты. Кают-компания. Офицерская, наверное. Никого. Не успела девушка сделать и пары робких шагов, как дверь соседней каюты распахнулась... Лиза тихо взвизгнула и попыталась спрятаться за спинку кресла. Пока она спала, корабль, видимо, захватили чеченские террористы.

Личность, едва не припечатавшая девушку дверью по лбу, выглядела неопишимо: роста и ширины в ней, личности, было поровну. Нет, этот человек не был низким или толстым, просто высокий рост дополнялся поистине чудовищной комплекцией. Косая сажень в плечах – это мелко. И гималайский медведь – тоже. Вся эта «красота» была, почему-то облачена в белую пижаму. Размеры – не самое страшное, гораздо страшней – лицо: густые черные волосы, брежневские брови, жгучие глаза и лихо закрученные усы.

– Вах! Зачѐм визжать? Зачем за кресло прятаться? Абижаешь! – Чудовище говорило с заметным горским акцентом.

– И-извините, – пискнула Лизонька, но из-за кресла не вышла.

– Прости и ты, красавица, если напугал. – Подозрительная личность примирительно протянула руку. – Гиви Члаидзе. Кок и стюард «Лаксис».

– Л-лиза, – прошептала девушка, робко касаясь протянутой ладони, больше похожей на поднос. – Елизавета Данилова.

– Дочь Петрова? – спросил Гиви.

– Да, Петрова, в смысле, Елизавета Петровна. – Лизонька окончательно смутилась. Сейчас обязательно придется заявлять о своем капитанстве.

Кок порылся в кармане своей белой пижамы и извлек какую-то тряпочку; тщательно расправил и водрузил на голову. Теперь стало понятно, что белая пижама – великолепный наряд шеф-повара, потому как тряпочка – это колпак.

– Рад приветствовать вас на борту «Лаксис», капитан! – От богатырского баса даже кресла подпрыгнули – Лиза же испуганно присела.

– Я тоже необычайно рада знакомству. – Вежливость из Лизоньки одним громовым голо-сом не выгонишь.

Девушка покосилась на дверь своей каюты: может, стоит ретироваться? Сделав пару шагов по направлению к заветной двери, Лиза поняла, что Гиви совершенно никак не реагирует на ее странные маневры – замер столбом и только глаза еще больше выкатывает. Что это с ним? «Он ждет твоих дальнейших распоряжений». Кошмар! Но очень хочется кофе.

– Простите, Гиви... понимаете... я бы хотела...

– Да, капитан? – Кок вытянулся во фрунт и задел макушкой потолок кают-компанияи.

– Я бы хотела выпить чашечку кофе, и вообще, позавтракать...

– Да, капитан! Подать в каюту или в буфет?

– Не знаю... – Лиза уже пожалела, что обратилась к коку.

Но к кому бы она еще могла обратиться? Она знает здесь только одного боцмана, и еще не известно, с кем приятнее общаться: с монстрообразным Гиви или с сардонически-ядовитым МакКелленом. Альтернатива не из приятных, но не умирать же с голоду?

– Капитан. Елизавета Петровна, если вам что-либо неизвестно, то лучший способ узнать – это просто спросить! – наставительно высказался кок.

Лиза мысленно возблагодарила высшие силы: неужели кто-то на этом корабле хоть немного вошел в ее положение? «Ты же еще почти никого здесь не видела. Может, это все исключительно приятные и понимающие люди». Сплошные благорастворения воздухов, как же.

– Гиви, давайте поступим так: вы спасете голодную девушку от смерти, выпьете со мной чашечку кофе...

– В буфете, – подсказал этот чудесный представитель закавказских народов.

– В буфете. И просветите меня насчет той части корабельной жизни, которой вы управляете.

– Великолепно, только... Управляете здесь всем вы.

– О, Боже! – прошептала Лизонька. – Я! Управляю!

Гиви тактично не заметил замешательства своего капитана.

– Той части корабельной жизни, за которую вы отвечаете, – исправилась девушка.

Через полчаса Лиза выпила свои две чашки кофе – великолепной арабики, следует отметить, – съела несколько чудесных булочек с маслом и чрезвычайно пополнила свой багаж знаний о корабельном устройстве.

Команда и офицеры трапезничают три раза в день: завтрак в шесть тридцать, обед в четырнадцать, ужин в двадцать один. Вахтенные едят по завершении вахты. Ночные – получают дополнительный сухой паек. Капитан волен объедаться хоть целый день, причем, где угодно. Офицеры вкушают трапезу в офицерской кают-компании, матросы – в своей, во главе с боцманом. Владения кока состоят из буфета, кладовых и камбуза. Он же отвечает за пополнение запасов еды и свежей воды. Меню на неделю следует утвердить у капитана, но «дорогой Петр» отдал заботу о желудках команды полностью на откуп Гиви. Лизу этот факт чрезвычайно порадовал: хоть здесь от нее никто не будет требовать решений и распоряжений. Девушка с легким сердцем порекомендовала коку следовать этой традиции, сославшись на полное и безоговорочное подчинение воле отца.

Растолковав все эти подробности, кок испросил позволения удалиться: готовить обед. Лиза благосклонно разрешила. Настроение ее значительно улучшилось: завтрак мило улегся в желудке, корабль куда-то плывет, на мель не сели, решений от нее никто не требует, о ней вообще, можно сказать, забыли... Сообразив, что не стоит никому вообще попадаться на глаза – не дай Бог, кто-нибудь что-нибудь спросит, – Лизонька прокралась в свою каюту и удобно устроилась с книжкой на диванчике.

От неповторимого колорита «Ворот Расёмон» девушку отвлек вежливый стук в дверь. Лиза отложила книгу:

– Войдите, пожалуйста!

Дверь приоткрылась, и в каюту заглянул Гиви.

– Капитан, извините, что беспокою, но офицеры ждут вас к обеду. Вы выйдете, или им трапезничать без вас?

Офицеры? Обед?

– А я... то есть... мне обязательно обедать? То есть, обедать с ними?

– Как вам будет угодно, но корабельные традиции...

– Ах, традиции!

Отказаться – или пойти? Перед смертью не надышишься! Все равно ведь придется со всеми знакомиться. За обедом это пройдет легче, чем на глазах у всей команды.

– Скажите, что я сейчас присоединюсь к господам офицерам... И, Гиви... подскажите, пожалуйста, какая одежда более соответствует морским традициям?

Кок вопросительно поднял кустистую бровь.

– Что мне одеть к обеду?

– Офицеры обедают в повседневной форме, ужинают – в парадном. Вам же, Елизавета Петровна, стоит заглянуть в шкаф.

– Шкаф?

– Да, шкаф, в правом углу, за панелями. – Кок отсалютовал, спросил позволения удалиться и... удалился.

– Шкаф, шкаф, шкаф... – Лизонька немного повозилась с хитрым устройством, но через несколько мгновений получила доступ в недра весьма впечатляющего гардероба.

Конечно, папа распорядился. Он-то знает ее манеру одеваться – совсем не соответствующую положению капитана. В этом же шкафу было все, что может понадобиться: несколько вариантов капитанской формы – женского фасона, конечно же, – морские и прогулочные костюмы, вечерние платья; и никаких джинс и футболок, естественно. Лиза провела рукой по обшлагоу капитанского кителя, подавив желание пересчитать плечики – занятие равно долгое и бесполезное. Размер, само собой, подойдет идеально. Ах, папа!

Но... если даже боцман не был осведомлен о ее прибытии заранее, кто же позаботился о содержимом шкафа? Не телепортировалось же оно сюда прямо из магазина? Впрочем, это можно выяснить позже: сейчас Лизу больше занимали другие вопросы.

Какой же из костюмов здесь повседневный? А, может, стоит надеть что-нибудь демократичное, не подчеркивать свое капитанство? Нет, Гиви сказал – форма, значит, форма. Справедливо решив, что повседневная форма должна быть темненькой, Лиза облачилась в костюм, поправила очки и уставилась на себя в зеркало. Нет, это не она, конечно, не она! Синий костюм, белая рубашка, золотое шитье... Девушка сделала серьезное лицо, но не выдержала и показала своему отражению язык, попыталась поправить растрепавшийся хвостик, потерпела неудачу, распустила волосы, но не нашла расчески, собрала волосы в хвостик...

– Нет, так вся команда умрет от голода. Надо идти.

Ave Caesar...

Лизонька шагнула в кают-компанию и растерянно замерла: трое мужчин поднялись ей навстречу.

– Капитан! – хором высказались господа офицеры.

Неужели репетировали?

– Добрый день, – ответила Лиза, продолжая топтаться на пороге.

Мужчины замерли, как статуи. Вдруг рядом с девушкой материализовался Гиви и вежливо, но твердо сопроводил ее во главу стола, отодвинул стул и усадил. Лизонька аккуратно расправила салфетку на коленях и только потом отважилась поднять взгляд: офицеры продолжали стоять. «Ждут позволения сесть». Кошмар!

– Садитесь, пожалуйста. – Как это все невероятно сложно!

Мужчины уселись, опять демонстрируя поразительную синхронность.

– Разрешите представиться? – осведомился тот, что сидел по правую руку.

– Конечно, прошу вас. – Слава Богу, не придется сидеть в тишине, пока Гиви подает на стол.

Кок, надо сказать, успел переодеться в куртку стюарда и, блестя золотыми пуговицами, сервировал обед.

– Василий Поляков, первый лейтенант. Отвечаю за вахты.

Пока Поляков расписывал свои обязанности, Лиза рассматривала его: чуть за тридцать, темные, излишне коротко стриженные волосы, тяжелый взгляд, странно хриплый голос. Подозрительная личность, и смотрит как-то искоса, с издевкой... «Грехи мои тяжкие, еще один недоброжелатель, будто бы ядовитого боцмана мало!»

– Очень приятно, спасибо! Я – Лиза.

– Елизавета Петровна, – тут же поправил ее Василий, пресекая попытку сближения.

Лизонька тяжело вздохнула и вопросительно взглянула на двух других офицеров.

– Георгий Коркунов, второй лейтенант. Навигатор.

Георгий излагал суть своих корабельных обязанностей популярно и весело, без всяких там словечек и официоза. Ладно сидящий китель, светлые волосы, смеющиеся глаза – еще один нормальный человек! Улыбчивый, молодой, вежливый, дружелюбный.

– Лиза, – улыбнулась ему в ответ девушка.

Георгий не остался в долгу и шутливо отсалютовал капитану. Василий неодобрительно хмыкнул.

– Гунтис Улманис, корабельный врач, – с тягучим прибалтийским акцентом проговорил третий офицер – пепельноволосый истинный ариец. – Отвечаю за лазарет, лекарства и морскую болезнь. За что же еще отвечать доктору в море?

«Философ, однако!»

– Лиза, капитан, – также философски протянула девушка. «Стараюсь ни за что не отвечать», – добавила она про себя.

После ритуала представлений обед покатился своим чередом. На многочисленные вопросы офицеров, касающиеся управления кораблем, Лиза не отвечала, перенаправляя их к боцману. Сама же она старалась запомнить как можно больше сведений, обращаясь за истолкованием непонятных слов к лейтенанту Коркунову. Тот безупречно терпеливо и как можно подробнее растолковывал ей все термины. Вообще, за столом велось два отдельных разговора: весьма оживленный между Лизонькой и Георгием и обмен редкими фразами между Василием и Гунтисом.

Вне зависимости от темы и содержательности беседы все отдавали должное кулинарному таланту Гиви. Покончив с десертом, господа офицеры испросили позволения удалиться, и Лиза осталась наедине с коком.

– Ох! – облегченно выдохнула она.

– Вы все сделали правильно, Елизавета Петровна, – подбодрил ее Гиви.

– Спасибо, Гиви, спасибо большое – за помощь, – улыбнулась Лизонька. – Без вас я бы не справилась. И можно вас попросить... пожалуйста... зовите меня Лизой.

– Только Елизаветой – традиции и табель о рангах следует чтить! – проворчал кок.

– Хорошо, спасибо.

Немного помолчав, Лиза попыталась тихонько ускользнуть в свою каюту, но не успела.

– Молодые девушки должны после обеда дышать свежим воздухом, а не киснуть в каютах! – наставительно поднял палец Гиви.

«Ну вот, начинается!»

Глава 5

Лишь немного поплутав по темным лестницам – то есть, трапам, – Лизонька выбралась на палубу, огляделась и... потеряла дар речи. Какая красота! Темные волны, светлое, почти белое небо – ни единого облачка, – солнце. И клипер. «Лакесис» оказалась неопишимо красивой – просто совершенство.

– Совершенство! – высказалась Лизонька вслух.

– Естественно, – иронично подтвердил мистер МакКеллен. То есть, боцман МакКеллен. – Моя леди – само совершенство.

Странно, что она сразу его не заметила: шотландец стоял у штурвала буквально в паре шагов от девушки. Видимо, она забрела на мостик – кажется, это так называется?

– В-ваша леди? – Лиза недоуменно моргнула.

– «Лакесис» – моя леди. Так я ее всегда называл, мою «Лакесис». – Боцман нежно погладил штурвал и мечтательно улыбнулся.

– Вашу «Лакесис»? А разве корабль не всегда принадлежал моему отцу? Я думала, он недавно построен...

– Нет, конечно. «Лакесис», Вынимающая Жребий, родилась в тысяча восемьсот шестьдесят девятом вместе со своей сестрой – «Катти Сарк».

– «Катти Сарк», Короткая Рубашка – самый быстрый клипер? – Лизонька была начитанной девушкой.

– Один из самых быстрых. «Лакесис» ничем ей не уступает. Моя леди вошла в состав флотилии Благородного Дома Струанов, капитаном стал Данбар МакКлауд. Десять лет «Лакесис» летала по Чайному Пути, несколько раз опередив «Катти Сарк» и «Фермопилы», а потом...

– Потом пришли пароходы, и открылся Суэцкий канал. Время клиперов ушло, а жаль... Такая красота!

Лиза зачарованно смотрела на громады белых парусов, поднимающихся все выше, к самому небу: стройные мачты, казалось, держались только чудом, такелаж выглядел почти невесомым – так, тоненькие веревочки. Но все это: паруса, мачты, корпус – казалось одним живым организмом. В «Лакесис» была жизнь, легенда, загадка и... чудо.

– Да, красота! – Лизе почудилось, что в голосе боцмана уже не звучала издевка – только немного лирики.

– А как клипер оказался у моего отца?

– Многие парусники просто сгнили с приходом машин, пара и угля, но не «Лакесис». Глава нашего клана – граф Шон МакКеллен – сохранил клипер, старина Шон любил ходить под парусами. А мой прадед стал его капитаном. Я вырос на «Лакесис»: в начале бегал по вантам юнгой, потом матросом – пока, наконец, не стал капитаном.

Тут рассказ боцмана прервался – мистер МакКеллен подозвал вахтенного матроса и передал штурвал.

– Пойдемте, капитан, я покажу вам ваш корабль. Вам стоит познакомиться с «Лакесис» поближе. Она любит, когда ее уважают.

– Конечно, боцман. Это большая честь для меня – заслужить уважение такой красавицы, как «Лакесис».

Начать экскурсию боцман, видимо, решил с трюмов, поэтому, пока они спускались по шатким лестницам, Лиза узнала окончание истории клипера – да и историю боцмана тоже.

Наследники графа МакКеллена решили продать клипер – по причине некоторого разорения, – и купил его российский бизнесмен Петр Данилов. Когда мистер Ян МакКеллен – тогда еще капитан МакКеллен, – узнал об этом, то страшно расстроился и, по старой шотландской традиции, залил горе добрым скотчем. Протрезвев, он обнаружил себя за штурвалом «Лахе-

сис» где-то посреди Балтийского моря. До Санкт-Петербурга, куда ему было приказано доставить клипер, оставалось около двух дней пути. Несмотря на май месяц, одет Ян был весьма странно: в неопишную шубу, меховые сапоги, шапку-ушанку и рукавицы. По слухам, в России по улицам ходят белые медведи, и все лето лежит снег. Зачем этому загадочному Данилову клипер? В таких условиях больше подошел бы ледокол.

Выслушав эти откровения, Лиза не выдержала и рассмеялась. Боцман обиженно запыхтел трубкой, но, в конце концов, девушке показалось, что тоже не устоял – из клубов дыма послышался сдавленный смешок.

Прибыв в Питер, мистер МакКеллен не обнаружил ни снега, ни медведей. Северная столица оказалась вполне европейским городом. Положа руку на сердце, родной Глазго выглядел провинциально-заштатно на фоне великолепных дворцов русской Венеции. Новый владелец «Лаксис» производил самое благоприятное впечатление: предложил остаться погостить, пригласил в загородный дом... А там...

Суровый боцман мечтательно закатил глаза...

Там его ожидали традиционные русские развлечения: баня, охота, рыбалка, чудесная природа и... то, что заставило патриота Шотландии остаться в России, – русская водка. Погостив месяц, мистер МакКеллен решил остаться навсегда, тем более что Петр Данилов, с которым они уже давно перешли на «ты», предложил ему остаться на «Лаксис» боцманом и исполняющим обязанности капитана.

– А почему мы с вами не встречались? – перебила Лизонька.

– Потому что вы тогда путешествовали с гувернанткой по Золотому Кольцу, – пробурчал боцман с таким неодобрением, будто бы Лиза путешествовала по самым значным местам Амстердама.

Теперь «Лаксис» приписана к порту Питера, мистер МакКеллен, когда не ходит на клипере, живет в Подмосковье, выстроил себе там замечательное маленькое поместье, ностальгирует по Шотландии, но возвращаться не собирается...

Наконец, они добрались до трюма: здесь было темновато, все поскрипывало и постанывало – корабль, казалось, дышал, как огромный кит. Боцман продемонстрировал Лизе кладовые, генератор, от которого работали все электроприборы на корабле... Через некоторое время у девушки заболела голова – от обилия сведений и от приступа легкой клаустрофобии. Распахнув очередную дверь, боцман пропустил Лизоньку вперед – наверняка знал, какой прием ее там ожидает.

– Кто опять вваливается без стука? – раздалось из полумрака. Голос был просто завораживающий: чуть хриловатый, глубокий баритон бархатного тембра, однако слова, которые он озвучивал... Лиза значительно расширила свой весьма бедный лексикон непечатной лексики – раза в три, примерно.

Лизонька, как и все близорукие, страдала куриной слепотой – почти ничего не видела в темноте, – поэтому замерла на пороге, пытаясь различить хоть что-то. В каюте пахло машинным маслом, перегретым металлом и... сандаловыми благовониями. Не успела девушка сделать и пары робких шагов, как из тьмы каюты вынырнул самый настоящий черт: невысокий, смуглокожий и темноволосый, с длинными усами и аккуратной бородкой – такую часто называют эспаньолкой или тамерланкой. Сверкнув черными глазами и высказавшись на непонятном языке, черт щелкнул выключателем, Лиза заморгала от яркого дневного света, залившего каюту... нет, это была не каюта, это был арсенал. Весьма обширный арсенал – оружия хватило бы, чтобы вооружить армию небольшой страны. По стенам были развешаны автоматы, на этажерках в кажущемся беспорядке громоздились пистолеты, вдоль стен стояли ящики с подозрительными надписями «Warning! Explosive!». Вот тебе и мирный прогулочный парусник...

– Капитан, разрешите представить вам нашего оружейника и, по совместительству, электрика и связиста – Фаттыха Абдула.

– Очень приятно, Лиза, – протянула руку девушка.

– Рад служить, мой капитан! – с тягучим восточным акцентом отвечал оружейник. – Прошу просить за нерадушный прием, думал, это опять матрос с заявкой на сгоревшую лампочку пришел.

Фаттых замолчал, вопросительно уставившись на Лизу: что еще этой девчонке нужно – или уже покинет его обитель? Лицо же этого потомка Тамерлана выражало полное и абсолютное желание услужить. Лизонька на выражение лица не купилась, но и покидать сие мрачное место пока не собиралась.

– Уважаемый Фаттых... Можно узнать отчество?

– Фаттых Митхатович.

– О! – такое имярек было абсолютно невыговариваемым. – Уважаемый Фаттых Митхатович, разрешите поинтересоваться, зачем на корабле такой арсенал?

– Море жестоко и непредсказуемо. В мире много недобрых людей, не чтящих Коран и законы Муххамеда! – наставительно молвил сын Востока.

– Вот как! – Лиза, уже смирившаяся с плаванием, опять впала в панику. Какие такие недобрые люди, от которых надо защищаться тяжелым вооружением? Кошмар!

Пробормотав какие-то извинения, девушка вышла в коридор и направилась в свою каюту, куда и попала, проблуждав всего минут двадцать. Боцман и оружейник, тем временем в подробностях обсудили недостатки женской половины человечества, Лизы конкретно, коснулись они также умственных способностей господина Данилова... Выразив надежду, что появление на судне старпома сделает их жизнь немного легче, боцман МакКеллен покинул арсенал и отправился на мостик. Пришло время снять данные об их точном местоположении со спутника.

В это время в капитанской каюте капитан сидела в папином кресле, обхватив острые коленки руками, и предавалась вселенской тоске. Еще никогда в жизни Лизе не было так одиноко и страшно. Весь мир лежал перед ней – и весь мир замкнулся, ограничился стенами каюты. Страшно выходить. Очень страшно.

Почему отец отправил ее сюда? Подозревать папу в самодурстве Лиза была неспособна, значит, во всем есть рациональное зерно. Но какое? Отец что-то говорил о необходимости учиться управлять... А если она вообще к этому не приспособлена? Если она – ведомый, а не ведущий? Если никогда она не сможет оправдать папиных надежд? «А чего хочешь ты сама? Каковы твои надежды?» – неслышно прошуршал голос отца. Лиза грустно улыбнулась. Ответа у нее не было.

День клонился к вечеру, корабль куда-то плыл, с командой она вроде бы познакомилась, но... Трудностей и проблем на горизонте замаячило еще больше: сколько еще плыть до Амстердама, как справиться с толпой этих серьезных взрослых мужчин, которые совсем не хотят ей ничем помочь... Только Георгий Коркунов, один из лейтенантов, произвел благоприятное впечатление: милый человек, явно пытается подружиться. Сколько еще будет можно прятаться в каюте и спихивать командование на боцмана? Вряд ли очень долго. Что делать? «Осталось спросить еще, кто виноват!»

С детства Лизоньку выручал острый и пытливый ум и аналитические способности.

– Проблемы надо решать по мере поступления! – провозгласила она и положила перед собой листок бумаги и морской справочник.

Через какое-то время – за окном, то есть иллюминатором, уже смеркалось, – Лиза получила ответ на первый вопрос: сколько плыть до Амстердама? Чуть больше трех суток. Сутки они уже плывут. «Даже больше!» – уточнила она, взглянув на часы. Господи, пропустила ужин! Интересно, что теперь делать? «Вы вольны делать все, что угодно!» – прозвучал в голове ехид-

ный голос боцмана. Как же! Поразмыслив пару минут над сложной дилеммой: лечь спать голодной, или отважится побеспокоить Гиви – Лизонька решила, что голодание – полезно, и отправилась в душ.

Не успела она в полной мере насладиться омовением, как кончилась горячая вода: приступив к банным процедурам, девушка не обратила внимания на маленький такой циферблатик, который показывал, сколько горячей воды осталось еще в баке – водопровода-то на клипере нет, подача воды ограничена. Кое-как смыл мыло ледяной водой, Лиза поклялась в дальнейшем быть более внимательной и покинула санузел.

В каюте на диване удобно расположился боцман МакКеллен, погруженный в чтение «Ворот Расёмон». Лизонька поплотнее запахнула халатик и немного истерически спросила:

– Что вам нужно, боцман МакКеллен?

– Распоряжения, естественно! – отложил в сторону книгу шотландец.

– Р-распоряжения? Какие?

– Всякие. Я принес вам морской устав и корабельный журнал. Рекомендую изучить и то, и другое. Журнал вам придется заполнять каждый день.

– Как дневник?

– Что-то вроде того, – поморщился боцман. – А сейчас мне необходимо узнать, как будет протекать корабельная жизнь в ближайшие несколько дней.

– К-как всегда, – логично ответила Лиза.

– Всегда командует капитан, капитан.

– О! – загрузила Лиза, машинально листая журнал. Гроссбух открылся на последней странице. Так, что это у нас тут... Немного странный почерк, буквы почти печатные, да и написано идеально – без помарок и ошибок: «Капитан Е.П. Данилова вступила в должность, приняла командование и немедленно передала его мне, боцману Я. МакКеллену. Командование принял на двадцать четыре часа». Очень мило. Как бы проверить такую операцию еще раз?

– Боцман, я пока не готова отдать вам распоряжения, но... буду готова через час, – сказала Лиза, прикинув на глаз толщину устава и журнала.

Мистер МакКеллен встал, но покидать каюту не собирался. Странно. «Он ждет, пока ты его отпустишь». Святой Боже!

– Можете пока быть свободны.

Часа Лизоньке хватило на то, чтобы изучить оба гроссбуха и вернуть лучезарное настроение. По крайней мере до Амстердама все ее проблемы решились... Будет лежать на диване, читать книгу... и никаких приказов.

Ровно через час явился боцман, точный, как швейцарские часы.

– Боцман, передаю командование «Ляхесис» вам, до прибытия в порт Амстердам.

– Разрешите узнать причину, капитан, – хитро улыбнулся МакКеллен.

– В соответствии с уставом, капитан может предать командование старшему офицеру в случае болезни.

– Болезни? – боцмана явно не порадовала такая осведомленность Лизоньки о тонкостях устава.

– Да, болезни. Морской болезни. Предполагаю, что приступ продлится у меня три дня. У меня всегда так.

– В первый день никаких признаков морской болезни – а потом накатывает? – не упустил случая уколоть шотландец.

– Именно, – подтвердила Лиза, глядя наглецу прямо в глаза. – Соответствующую запись в журнале я уже сделала. Прошу меня без вызова не беспокоить, я отправляюсь болеть. Можете быть свободны. И пришлите, пожалуйста, Гиви.

– Я пришлю вам Гунтиса, капитан! – ошутимо громко хлопнул дверью боцман.

«Господи, у меня получилось!» Лиза удивленно смотрела на дверь, закрывшуюся за боцманом: неужели ей удалось? Может, все-таки все не так уж плохо?

Глава 6

Лизонька умудрилась разбить очки.

Утром, устав симулировать морскую болезнь, она вышла на палубу, чтобы посмотреть на голландский берег, вдоль которого шла «Лаксис», и, споткнувшись о моток веревок – неизвестно, как именовалась эта ловушка для неопытных девушек на морском сленге, знание это все равно не спасло бы ни Лизоньку, ни предметы ее обихода, – протерла коленками палубу. Очки, и так еле державшиеся на кончике носа, совершили немислимый пируэт, достойный любого эквилибриста, и уныло дзенькнули где-то вдальеке. Самое печальное, что за нескромным падением капитана наблюдала по меньшей мере половина команды, готовящей судно ко входу в порт.

Не успела Лиза пожалеть о случившемся и даже подняться на ноги, как ее уже дернула вверх неведомая сила; и, робко подняв глаза, девушка оказалась нос к носу с любезным сердцу ее лейтенантом Коркуновым. Этот несомненный джентльмен, образец добропорядочности, вежливо отряхнул несуществующую пыль с ее новеньких брючек и галантно поинтересовался:

– Вы в порядке, кэп?

– Э... да... благодарю, лейтенант, – пролепетала девушка, пытаясь оценить повреждения. С коленками все в порядке, с брюками тоже, а вот очков на носу явно не хватает. Верно оценивший ее замешательство Коркунов испарился и немедленно материализовался снова, держа двумя пальцами то, что раньше было ее великолепными очками – две печально изогнутые дужки, а вместо стекол – застрявшее в оправе крошево.

– Ваше имущество, кэп, – сказал лейтенант, протягивая Лизоньке жалкие останки былой роскоши. Ей показалось или в его голосе прозвучала ирония? Как бы то ни было, уши у девушки заалели. Чертовски неприятно выглядеть полной дурой на глазах у такого количества людей. В чем, в чем, а в этом она за прошедшие дни убедилась окончательно.

– Вряд ли ему можно помочь, – вздохнула она. Оставалось спастись с помощью шутки. – Думаю, единственное, что мы можем сделать для моих несчастных очков, – это похоронить их достойно. У моряков существует на то какой-нибудь особый ритуал?

Лейтенант Коркунов улыбнулся.

– Ну, раньше трупы сбрасывали в море, кэп. И читали над ними молитву.

– Не стоит нарушать традицию. – Лизонька прошествовала к борту и, вытянув руку с очками, произнесла: – Покойтесь с миром, мои любимые очки! Пусть вода будет вам... э-э... пухом. – И с трагической миной уронила останки за борт.

Коркунов рассмеялся.

– Весьма впечатляюще, кэп. Вы становитесь настоящим моряком. Разрешите идти?

– Что? – рассеянно переспросила Лизонька, так и не привыкшая, чтобы взрослые занятые люди постоянно спрашивали у нее разрешения удалиться, дабы заняться своими важными взрослыми делами. К тому же, запоздало Лиза сообразила, что, наверное, не стоило бы кидать мусор в море... Она кивнула Георгию. – Конечно, идите.

– Кэп. – Коркунов взял под козырек, повернулся и ушел.

Без очков мир оказался несколько расплывчатым. Желание смотреть на голландский берег пропало, и Лизонька приняла благоразумное решение вернуться в каюту – там она не рискует нарваться на неприятности или потопить корабль по неопытности. Стараясь сдерживать невольные подступающие слезы, девушка решительно направилась к себе. Влетев в каюту, она захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и, наконец, позволила себе всхлипнуть.

«Ну почему, почему, почему я – такое никчемное существо? Почему все, что может неприятного случиться, случается именно со мной? Чем я это заслужила? А может, в детстве меня прокляла злая фея, и года через два я уколю палец веретеном и усну? Вот бы и, правда,

уснуть лет на сто! Проснусь, вокруг новые люди, новый мир. И, может, лекарство для недотеп изобретут...»

Одолеваемая комплексом собственной неполноценности, Лизонька прилегла на койку и не заметила, как задремала. К несчастью, веретено тут было ни при чем: проснулась она довольно быстро.

Разбудило ее, как ни странно, отсутствие качки. За несколько дней девушка успела привыкнуть к равномерно покачивающемуся полу под ногами, поэтому неподвижность корабля несколько ее встревожила. Но Лизонька тут же сообразила, что причина этому может быть только одна: они ошвартовались в порту.

Амстердам.

Девушка решительно встала. Хватит праздновать труса. Нужно сойти на берег и поискать местную оптику. Какой она капитан без очков? «Ты и в очках-то не больно похожа на капитана...»

Интересно, Лизе придется самой себе выдавать увольнительную или, как заявил ей при первой встрече боцман МакКеллен, она вольна делать все, что пожелает?

Поднявшись на палубу, Лизонька даже зажмурилась: утреннее солнце ослепительно сияло, не давая толком разглядеть происходящее вокруг, – настоящая беда для тех, у кого плохое зрение. Очки-«хамелеоны» будут очень кстати. Вот только найти бы кого-нибудь, кто смог бы ее сопровождать... Идти без очков в незнакомый город – на это Лизонька не была способна.

Рассеянно бредя по палубе, она старалась смотреть себе под ноги и именно поэтому налетела лбом на мачту... во всяком случае, ей так показалось. В неправильности оценки немедленно пришлось убедиться: мачты не выражаются. Похоже, она заехала головой в грудь кому-то из матросов. Лизонька тяжело вздохнула, – что ж это за жизнь несчастная такая! – и подняла голову, чтобы извиниться.

Ушибленный ее телесами матрос стоял спиной к солнцу, поэтому лица его она не разглядела. Так, нечто невнятное. Атлетическая фигура со спортивной сумкой на плече. Молча глядя на него снизу вверх, Лизонька вздохнула.

– Извините, пожалуйста.

– Что вы, это мне надо просить прощения! – возразила ее жертва весело. – Не каждый день на меня налетают прекрасные дамы, а я сказал вам столько грубых слов, простите меня, барышня...

За спиной Лизоньки раздалось осторожное покашливание. Обернувшись, девушка увидела МакКеллена, делавшего матросу выразительные знаки. Недоумевающая Лизонька открыла рот, дабы поинтересоваться странными телодвижениями боцмана, но тут у нее над ухом гаркнули:

– Первый помощник Валерий Катанский прибыл в ваше распоряжение, капитан!

Ошеломленная Лиза обернулась. Галантный «матрос» вытянулся во фрунт, неведомым образом успев переместить сумку с плеча на палубу. Девушка смутно припомнила фразу, брошенную боцманом в самом начале их путешествия: о том, что старпом присоединится к ним в Амстердаме. Ну, вот он и присоединился.

– Добро пожаловать на борт, – пробормотала она. Катанский продолжал стоять неподвижно, как изваяние. «Еще немного – и я прикажу украсить им нос корабля». Наверное, он ожидал от нее распоряжений. Ох, почему они все ожидают от нее распоряжений?! – Пока можете быть свободны.

– Благодарю! – отвечив старпом и, подхватив сумку, направился в сторону кают-компании. Лизонька нерешительно посмотрела на МакКеллена.

– Боцман... могу ли я... можно ли попросить...

– Вам стоит только приказать, – мягко заметил МакКеллен. Лиза почувствовала себя совсем несчастной.

– Да, конечно. Я хотела бы, чтобы кто-нибудь съездил со мной заказать новые очки. Или, – тут ей в голову пришла спасительная мысль, – пусть кто-нибудь закажет их для меня. И привезет. Я сейчас дам рецепт.

– Есть, капитан.

Направляясь в каюту, Лизонька размышляла: может, папа не так уж и неправ? В командовании есть свои определенные прелести.

Глава 7

Каюта, как всегда, выглядела безупречно. Впрочем, имея такую команду, трудно ожидать иного результата: вышколенные ребята готовы были головы сложить штабелем, чтобы угодить Данилову. Петра Николаевича матросня нежно любила. А вот как они относятся к его дочери?

Валерий бросил сумку на кровать, – распаковать можно будет попозже, – и направился в душ: в каюте первого помощника это полезное изобретение тоже имелось. Хорошо все-таки на «Лаксис»!

Жаль, что в юности подобное времяпровождение было недоступно: морем он заболел сразу и неизлечимо. Будучи еще простым работником безопасности у Петра Николаевича, Валерий по долгу службы отправился с шефом на «Лаксис» и... пропал безвозвратно. Шеф одобрил увлечение подчиненного и поощрил стремление получить морскую специальность. Через некоторое время Валерий аттестовался и занял место старпома на клипере одновременно с должностью начальника службы безопасности. Интересно, что чему поспособствовало?

Катанский растерянно покачал головой, вспомнив разговор, который состоялся у них с шефом пару дней назад, когда он получил приказ отправиться на «Лаксис» первым помощником. Конечно, незапланированный отпуск – это хорошо, но... слишком много странного в этой истории.

– Валерий, вы можете меня выручить?

Начальник охраны с удивлением посмотрел на Петра Николаевича: просьбы были не в характере шефа. Обычно он отдавал четкие распоряжения, изредка приглашал выпить кофе – Валерий вежливо отказывался, – но просить?..

– Слушаю, Петр Николаевич.

– Моя просьба... несколько деликатного характера. Да вы сядьте, сядьте, – Данилов кивнул на кресло напротив, – чаю?

– Нет, спасибо, – привычный отказ шефа не удивил. Он кивнул и перешел непосредственно к сути дела.

– Видите ли, Валерий, у меня есть дочь...

Многообещающее начало. Кажется, в любовных романах родители обычно начинают разговор с этой фразы, если прочат дочурку благородному и роковому графу в жены... Во всяком случае, бывшая пассия Валерия, прочитавшая горы ширпотребной литературы, что-то об этом говорила. Неважно.

– Вы знакомы с ней?

Валерий покачал головой. Дочку Данилова он видел лишь однажды, да и то издалека. Тихое забитое существо, прилежно шуршащее бумагами на папином столе, как мышь в купеческих закромах. Заглянув в кабинет и обнаружив там девицу, поджидавшую папеньку, предупрежденный секретаршей Валерий пробормотал: «Простите», – и ретировался. Вряд ли это можно назвать ёмким словом «знакомы»...

Петр Николаевич снял очки и протер их батистовым платочком – безукоризненным джентльменским атрибутом. Валерий с удивлением понял, что шеф волнуется.

– К сожалению, в характере Лизоньки я не наблюдаю тех черт, что могли бы помочь ей в руководстве фирмой, – наконец сообщил шеф. – И в этом состоит главная проблема моей дочери, которую нужно решить как можно скорее.

Валерий промолчал, пытаясь сообразить, к чему шеф клонит.

– Я не предполагал, что умение руководить людьми и быстро принимать решения – два из множества качеств, которые есть у настоящего лидера и которые у моей дочери отсутствуют напрочь, – понадобятся ей так скоро. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Данилов опять надолго замолчал, Катанский решил не подталкивать шефа вопросами, а просто подождать.

– Через некоторое время я вынужден буду оставить руководство фирмой, а единственный человек, которого я желаю видеть своим преемником, – это моя дочь. Теперь вы понимаете, почему так важно воспитать из нее хорошего руководителя?

Нет, ни черта Валерий не понимал, и чем дальше, тем больше ему не нравилась ситуация.

– Петр Николаевич, позвольте спросить... Почему?..

Шеф воспринял вопрос правильно.

– Мой уход связан с состоянием здоровья. Больше я вам сказать не могу... Итак, Валерий, моя просьба заключается в следующем: я хочу, чтобы вы заняли место первого помощника на «Лаксис», где капитаном будет моя дочь. И желательно, если бы вы совместили эту должность с должностью ее телохранителя.

«Хорошо, что отказался пить чай, иначе непременно бы поперхнулся», – ошарашенно подумал Валерий. Он мог представить себе виденную мельком девицу в роли библиотечарши или воспитательницы детского сада, но в качестве капитана клипера... Колоритную команду «Лаксис» никак нельзя сравнивать с яслями, где деткам вытирают сопливые носы. Да уж, единственной девочке на корабле может понадобиться телохранитель... Боже упаси, команда никогда не тронет дочь шефа, однако мало ли, что может случиться с девушкой, которая наверняка путает нос корабля с кормой...

– И куда мы поплывем? – вырвалось само собой, прежде чем глас рассудка закончил живописать страшную картину капитанствования Елизаветы Петровны.

– Это означает согласие? – улыбнулся шеф.

Валерий пожал плечами.

– Ну, Петр Николаевич, разве я могу вам отказать? – он тоже улыбнулся.

– Маршрут выберет Елизавета. «Лаксис» стоит в Питере, а первая остановка, по моему пожеланию, будет в Амстердаме. Туда вы и вылетаете сегодня вечером.

– Не проще ли сесть на корабль в Питере? – осторожно осведомился Валерий.

– Нет, не проще, – отрезал шеф. – Не желаю, чтобы у Лизоньки с самого начала была столь впечатляющая поддержка. Пусть встретится с командой сама, хоть немного адаптируется. – На лице Петра Николаевича не было той уверенности, что в словах. Кажется, отец сильно сомневался в способностях своей дочери. – Несколько дней до Амстердама, надеюсь, дадут ей хоть какое-то представление о... – Шеф замолчал, прервав поток излияний, и закончил уже совсем другим тоном: – Билет на вечерний рейс у секретаря. Распорядитесь насчет замены. Пока «Лаксис» не придет в порт, у вас отпуск. И помните: командует на корабле моя дочь. Если она попросит у вас помощи, не отказывайте ей, однако, не вздумайте брать всю ответственность на себя. В ваших способностях я не сомневаюсь, а Елизавете нужно учиться. – Подумав, он добавил: – И не стоит сообщать ей о том, что я поручил вам ее охранять. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Как долго продлится путешествие?

– Раньше, чем через три месяца, вам возвращаться не следует. Надеюсь, этого времени хватит... Еще вопросы есть?

Валерий покачал головой...

Стоя под прохладными струями, дабы смыть мифическую амстердамскую пыль, он попытался проанализировать свои ощущения и от первой встречи с капитаном. Хотя какой там капитан!

Бедное забитое существо с волосами, забранными в идиотский хвостик, мучительно шутившееся от ярких лучей солнца, умудряющееся выглядеть нелепо даже в великолепном костюме – да, теперь Валерий понимал, отчего Данилова так беспокоит судьба дочки! Да такую любая проплывающая мимо акула малого и среднего, а тем более большего бизнеса слопает походя и не заметит. Даже косточек не выплюнет, сколько там в этой девчонке костей! Надо бы расспросить МакКеллена, как Лиза вела себя эти три дня. Встретив Валерия у трапа, боцман каменно молчал и лишь ехидно шурился. Хитрюга-шотландец хотел, чтобы первый помощник сам составил мнение о капитане. Ну, вот оно составлено, и Валерий подозревал, что Лизоньке Даниловой оно бы сильно не понравилось...

С другой стороны, а так ли она виновата? При таком авторитарном папе лишней раз нос не высунешь. Нужно быть объективным: Петр Данилович заботится о дочери, используя подобные оригинальные способы, не только потому, что хочет воспитать из нее лидера. Ясное дело, отец чувствует вину за то, что мало внимания уделял ребенку, а теперь приходится расплачиваться. Результат воспитания – вовсе не тот, что нужен... Бедная Лиза. Прямо название сериала. Несколько секунд Валерий ей даже сочувствовал.

Выключив воду и яростно вытирая мокрые волосы махровым полотенцем, Катанский, по обыкновению, составил план действий на день. Переговорить с командой, дать увольнительные, если капитан еще этого не сделала – в чем он не сомневался, – и, наконец, побеседовать с самой Лизонькой – надо исполнять задание шефа и налаживать контакт. Валерию представилось, как он подманивает ободранного бездомного котенка. «Кис, кис, кис!» Котенок выгнул спину, жалобно посмотрел на кусок колбасы, мяукнул, но, не решившись на более близкое знакомство, прыснул в кусты. Катанский вздохнул. Да, пожалуй, с котенком было бы легче...

Он натянул повседневную форму со знаками различия и, браво стуча подкованными каблуками, покинул каюту, отметив по пути, что из капитанского обиталища не доносится ни звука.

Лизонька свернулась калачиком на диване и тихо всхлипывала. Минут десять назад она закончила ругать папу, «Лаксис» и команду всеми известными ей неприличными словами – к чести ее, их было немного, – и теперь испытывала жуткое чувство вины по этому поводу. «Ты сама во всем виновата!» – говорил ей безжалостный внутренний голос, который хотелось найти и придушить, но возможности не было. Конечно, она виновата сама. Она, такая неловкая, не может быть капитаном этого великолепного корабля. Вот этот плечистый первый помощник – может (и кстати, официально он и является главным). И боцман ничуть не хуже. Ну зачем зачем папа так жестоко над ней пошутил? Ну чем она ему не угодила? Училась тихо в университете, по дискотекам не бегала, с сомнительными молодыми людьми не встречалась. Как-то замаячил на горизонте тихий мальчик Дима из интеллигентной семьи, но и тот исчез, женившись по воле родителей на дочери нефтяного магната. Лизонька в то время не слишком об этом жалела, она была погружена в книжки и свои мечты, и ее мало интересовал внешний мир, такой огромный и пугающий. Ей грезились дальние странствия, но только на диване под торшером. Реальность, как и следовало ожидать, оказалась ужасной. Ну как, как ей себя теперь вести?

И что делать с этим здоровенным первым помощником? Есть по этому поводу что-нибудь в морском справочнике? Что вообще делают со старпомами? Едят их на ужин? Может, велеть Гиви приготовить его под соусом «ткемали»? Вспомнив о наличии Гиви и его великолепной стряпни, Лизонька повеселела. Вспомнив о старпоме – погрустнела опять. Эх, как было бы хорошо, если бы к каждому члену экипажа прилагалась инструкция, и можно было действовать в соответствии с ней! Неужели на всем корабле нет ни одного человека, который мог бы все делать за нее? Например, боцман прекрасно знает корабль и экипаж. Лизонька с ужасом вспомнила, что командование снова перейдет к ней сегодня вечером. Ей опять придется отдавать приказы. Боже, какой кошмар!

В любом случае, пока ей не принесут очки, из каюты она не выйдет. Решено. Это хороший предлог. Лизонька вздохнула, высморкалась в бумажную салфетку и принялась вдумчиво изучать потолок.

– Она практически не выходит из каюты, – рассказывал МакКеллен, допивая вторую чашку обжигающего черного кофе с корицей. Вместе с Валерием они сидели в буфете, а Гиви, не слушая их и напевая что-то этническое, протирал кристально чистые стаканы. – Очень странная девушка. Кажется, она нас всех боится. – На лице шотландца было написано искреннее недоумение оттого, что милая Лизонька может бояться его, добрейшего боцмана МакКеллена. – Она передала мне командование до сегодняшнего дня, но так не может продолжаться до бесконечности. Петр дал на этот счет совершенно четкие указания. Командовать кораблем должна его дочь. Не знаешь, что за блажь взбрела в голову старику?

Валерий рассеянно помешал кофе, над которым еще минуту назад реяла шапочка воздушных взбитых сливок. Он и сам толком не знал, что послужило истинной причиной назначения Лизы Даниловой на столь важный пост; но он знал своего начальника и полагал, что тот никогда не делает ничего без наличия на то веских причин.

– Боюсь, ничем не смогу тебе помочь, Ян. Нам всучили кота в мешке. Мы должны сделать из девчонки капитана – и точка. Приказы не обсуждаются.

Боцман усмехнулся.

– Да из нее капитан, как из меня... – тут он употребил выражение, от которого чувствительная барышня упала бы в обморок. Но Валерий не был чувствительной барышней. Он лишь хмыкнул.

– Тем не менее, мы должны глаз с девчонки не спускать и позаботиться о том, чтобы все приказы на корабле отдавала она. Поэтому советую тебе больше не поддаваться на провокации и не принимать у нее командование. Еще раз повторю: приказания Петра Николаевича – а теперь и его дочери – не обсуждаются. Вопросы есть?

– Нет, господин старший помощник, – вздохнул МакКеллен. Он помолчал, залпом допил кофе и встал. Судя по хитрым морщинкам в уголках глаз, боцман что-то начудил. – Ничего. Я уже принял меры, чтобы выкурить ее из каюты. Подышит морским воздухом, привыкнет...

Валерий прищурился.

– Что за меры? Надеюсь, ничего, идущего вразрез с уставом?

– О, нет, – глаза боцмана весело заискрились, – все гораздо хуже. Я натравил на нее Гунтиса.

В незапертую дверь каюты постучали. Лизонька, слегка задремавшая, резко села на диване, но тут же расслабленно опустила обратно. Наверное, это матрос с очками.

– Войдите! – крикнула она.

Дверь медленно и торжественно открылась, и на пороге возникло привидение. Лиза подавила желание завизжать. Укутанная в саван фигура молча пялилась на нее; лицо ее девушка разглядеть не могла, но мутный белесый блин, который она видела, говорил сам за себя. Лизонька лихорадочно соображала, что делать. Может, перекреститься? Впрочем, религиозностью она никогда не страдала и сомневалась, что сейчас ей поможет крестное знамение.

Между тем привидение сделало шаг вперед и замогильным голосом с отчетливым прибалтийским акцентом заявило:

– Добрый день, капитан.

Лиза облегченно вздохнула. Это не призрак – вот проклятое воображение! – это всего лишь корабельный врач... Гунтис Улманис, кажется? Она очень надеялась, что правильно запомнила его странное имя и не оконфузится в очередной раз. Хотя, одним разом больше, одним разом меньше...

– Д-добрый, – пробормотала она и принялась ждать. Напрасно. Врач намертво молчал, как партизан под пытками гестаповцев, и через минуту Лизонька сдалась. – Чем могу быть полезна?

Видимо, она опять что-то не то сказала, потому что в унылом голосе прибалта послышалась отчетливая ирония:

– Вопрос в том, чем я могу быть полезен вам, капитан. – И он снова умолк. Лизоньке захотелось найти клещи, чтоб легче было вытягивать слова из этого невыносимого человека.

– Кажется, я вас не вызывала, – расхрабрившись, сказала она. Улманис кивнул.

– Да, меня послал к вам боцман МакКеллен. Он изъявил беспокойство по поводу вашего здоровья и велел мне как можно скорее поставить вас на ноги.

«Ах, боцман, шотландская лиса. Ладно, когда-нибудь я тебе это припомню!» – с несвойственной ей мстительностью подумала девушка.

Лиза пыталась сообразить, как выкрутиться. В памяти невольно всплыли слова того же МакКеллена: «Вольна делать все, что угодно». Значит, вольна болеть, не так ли? Кажется, это выход!

– А я приказываю вам немедленно удалиться и оставить меня в покое, – пролепетала она, млея от собственной наглости.

Противный Улманис хмыкнул – как ей показалось, с удовольствием.

– Боюсь, что имею право не подчиниться вам, капитан. Если вы больны, то можете не отвечать за свои слова и действия, и тогда моя первейшая обязанность – оказать вам медицинскую помощь и привести во вменяемое состояние. – Он выразительно постучал по принесенному с собой чемоданчику; тот отозвался жалобным звоном. Лизоньке привиделся здоровенный шприц – вроде того, которым Шурик с товарищем вкалывал снотворное герою Моргунова в фильме «Кавказская пленница», – и ей стало немного дурно. – Либо вам придется признать, что вы здоровы, тогда я уйду и доложу об этом боцману.

«А боцман немедленно вернет командование мне. И деваться будет некуда».

– Так вы больны, капитан, или нет? – спросил эскулап, покачивая чемоданчиком.

Лиза горько вздохнула. Видимо, отвертеться не удастся. Если сказаться больной, суровый доктор Улманис немедленно начнет обследование, а Лиза где-то читала, что прибалты всё делают основательно. Никакого смысла в обмане нет.

– Я думаю, что уже выздоровела, – пробормотала Лиза.

Невозмутимый Улманис взирал на нее с достоинством президента с десятидолларовой банкноты.

– Вы уверены? Вас не тошнит? Температура нормальная? Может быть, проведем необходимые процедуры?

Лизонька почувствовала себя словно на прозекторском столе, под ярким светом ламп и оценивающими взглядами хирургов: где бы тут поудобнее разрезать?

– Н-нет, благодарю вас, господин судовой врач, со мной все хорошо.

– Отлично! Тогда я могу сказать боцману МакКеллену, что он может видеть вас. Он очень за вас волновался.

«Так и я поверила».

– Хорошо, скажите боцману, что он может зайти, – вздохнула Лизонька. От судьбы не скроешься... Так как Улманис продолжал стоять, где стоял, ей пришлось вспомнить, что он ждал официального отпущения грехов... то есть свободы. Лиза с удовольствием ее ему представила и плюхнулась обратно на диванчик. Кажется, ее приперли к стенке. Ну, и что теперь делать?

Глава 8

Боцман МакКеллен и очки Лизы прибыли одновременно. Две неприятности сразу. Насчет боцмана Лизонька заранее знала, что его визит не сулит ничего хорошего; но что ее так ошеломит посылка из амстердамской оптики, принесенная молоденьким, постоянно краснеющим матросом Ахмедом Алиевым, она не подозревала. Эти шутники заказали ей очки в черной тонкой оправе, круглые, как у Гарри Поттера. Лизе впервые в жизни ей захотелось наорать на человека. Но человек Алиев так тяжело вздыхал и так пространно извинялся, когда понял, что его выбор не понравился капитану, смотрел на нее так виновато и растерянно, что девушка махнула рукой и отпустила матроса заниматься более привычным для него делом – драить палубу, например. Принесенную обновку пришлось водрузить на нос. А что, разве у нее был выбор?..

Ехидный боцман, на сей раз, проявил максимум учтивости и сдал капитану командование без всяких ужимок. После чего вежливо осведомился, не желает ли уважаемая капитан отдать какой-нибудь приказ, а то боцман, дескать, просто заждался. Уважаемая капитан снова вздохнула и пообещала боцману, что приказы начнут поступать в ближайшее время, после чего почти силой выставила нахального МакКеллена – собраться с мыслями и погоревать о собственной несчастной судьбе.

Повертевшись перед зеркалом, Лиза выяснила, что очки сидят отвратительно, форма их ей совершенно не идет, и желательно сразу выбросить их за борт, если она не хочет выглядеть полной дурой. С другой стороны, а что ей терять? Передвигаться на ощупь по кораблю тоже не годится. Лизе вспомнился анекдот про слепого летчика. Однажды его спросили: «Вы уже столько лет водите самолеты, как вам удалось ни разу не разбиться?» «Все очень просто, – ответил летчик, – я рулю себе, рулю, а когда штурман начинает орать: „Этот слепой идиот сейчас нас всех угробит!“ – я беру штурвал на себя». Нет, не хотелось Лизе быть похожей на этого летчика. Впрочем, от роли героини анекдота ей, кажется, не избавиться...

Можно, конечно, сойти на берег и самой сделать заказ, но... уже почти вечер, магазины скоро закроются. Команда ждет от нее указаний... Наверное, нужно куда-то плыть. Но куда? Лиза недоумевала. Впервые мир лежал перед ней, словно открытая книга, а она не знала, куда податься.

Может быть, совершить кругосветное путешествие? Когда-то она об этом мечтала. Поплыть навстречу солнцу... заходящему, правда, потому что поплывут они на запад. Можно будет назвать это «Великим покорением Мирового океана» и поставить во главу списка самых дурацких поступков, которые Лиза когда-либо совершала...

А почему бы и нет? Решительно поправив очки на носу, Лизонька вышла из каюты, чтобы отыскать боцмана и изложить ему свой гениальный план.

Валерий проводил смотр войскам. Под этим громким названием скрывалось вечернее построение команды на палубе. Первый помощник, по пятам которого следовали Коркунов и Поляков, обходил строй, придирчиво разглядывая матросов. Вообще-то заниматься этим должна капитан, но она не показывалась из каюты. Боцман МакКеллен, для разнообразия, не дымящий трубкой, стоял в сторонке по стойке вольно. Валерий не счел нужным сделать ему замечание. В конце концов, на корабле все было в идеальном порядке. Поэтому Катанский страшно удивился, когда заметил краем глаза, что МакКеллен вытянулся во фронт и замер, задрав нос к небесам. Странное поведение боцмана нельзя было объяснить ничем, кроме... Кажется, капитан соизволила-таки появиться. Валерий набрал воздуха в грудь, повернулся, чтобы поприветствовать старшего офицера, но слова застряли у него в горле.

В последний раз он так пугался, когда еще студентом заночевал у своих предприимчивых друзей. У них было три совершенно одинаковые черепашки, которые свободно передвигались по комнате, и, чтобы на пресмыкающихся в темноте не наступить, ребята поместили их светящейся краской. Не задумываясь, написали на каждой спине по одной букве того народного слова, которым истинно русский человек не преминет украсить забор; гостей они, разумеется, не предупреждали. Поэтому, когда среди ночи Валерий проснулся и увидел медленно ползущий по ковру образец изящной словесности – как ни странно, буквы ползли в правильном порядке, – он посчитал, что испытал самый сильный шок в своей жизни.

Но он ошибался.

Капитан Елизавета Данилова стояла перед ним в совершенно жутких круглых очках, сделавших ее невыразительное личико еще более страшеньким. Волосы, как и утром, были забраны в кошмарный пучок, помятая майка и потрепанные джинсы свидетельствовали о том, что девушка явно не задумывалась, как она будет выглядеть перед командой. Матросы с интересом и недоумением косились на это чудо природы. Боцман МакКеллен стоял в прежней дурацкой позе и молчал, как древний идол на капище. Из-за спины Валерия послышался сдержанный смешок Коркунова. В общем, положение капитана было хуже некуда.

Валерий, наконец, вспомнил, что надо выдохнуть, и попытался изложить фразу: «Здравия желаю, товарищ капитан», – в более изысканных выражениях. Не получилось.

– Добрый вечер, – вежливо сказала Лизонька. – Надеюсь, я не помешала?

Абсурдность данного заявления дошла до Валерия не сразу.

– Помешали? Что вы, разумеется, нет. – Он широко улыбнулся, девчонка инстинктивно сделала шаг назад. Да ведь она его смертельно боится, понял Валерий. Детский сад. – Желаете лично провести смотр, капитан?

– Нет-нет, продолжайте, – поспешно сказала Лиза. Она не сводила глаз с Валерия. – Я лишь хотела... всего лишь...

Команда выжидательно молчала.

– Я хотела сообщить, что мы отплываем, – выдавила Лиза.

Валерий щелкнул каблуками; сзади тоже послышались щелчки – лейтенанты последовали примеру начальства.

– Слушаюсь. Каков порт назначения?

Лиза несколько мгновений колебалась. Бросила взгляд на боцмана.

– Я подумала, что мистеру МакКеллену понравится, если мы навестим его родную страну, – она нерешительно улыбнулась. – Поэтому мы идем в Глазго. – И добавила уже решительнее. – Отплытие сегодня вечером. Через... через два часа.

Боцман выглядел слегка ошарашенным и одновременно – польщенным. На лицах команды явно читалось одобрение.

– Это все, – сказала Лиза и нерешительно сказала: – Вольно?

Валерий кивнул.

– Все будет сделано, капитан. – И, наклонившись к ней, добавил уже тише: – Я хотел бы переговорить с вами чуть позже.

– З-за ужином? – она почему-то начала заикаться.

– Да, капитан. Если позволите, капитан.

– Да. Хорошо, – произнесла она слабым голосом. – Я жду вас за ужином. Вы свободны. Валерий посмотрел ей вслед. Ну, надо же...

Лизонька, тяжело дыша, прислонилась спиной к закрытой двери своей каюты. Она почти скатилась по лестнице вниз, заперлась и еще не успела перевести дух.

Когда она поднималась на палубу, то и предположить не могла, что там окажется не боцман МакКеллен и пара матросов, а вся команда во главе с ее новым первым помощником.

Признаться, она совершенно про него забыла. Теперь именно он – второе главное действующее лицо на этом корабле. Когда она утром наткнулась на него, то не сумела толком разглядеть. Она и предположить не могла, что он окажется таким... таким...

Лизонька очень глубоко вздохнула, пытаясь успокоить потревоженные нервы.

Валерий Александрович Катанский – так он значился в бумагах – оказался зеленоглазым шатеном приятной наружности. Самой приятной, какую Лизонька когда-либо видела. Он был немолод, лет тридцати пяти-сорока. Подтянут, слегка холоден и... Он был... ну да, красив. Захватывающе красив. Восхитительно красив... Эпитеты закончились, и Лиза вздохнула еще раз. Господи, какое же отвратительное впечатление, должно быть, она произвела на этого импозантного мужчину! Но самое страшное не это. Самое страшное – то, что им придется провести вместе на корабле неизвестно сколько времени.

Красивых людей Лизонька боялась до дрожи. Она вполне справедливо полагала, что ей нечего им противопоставить, – зеркало было категорично на этот счет, – и старалась обходить их стороной, чтобы не смотреться на их фоне еще более негативно. Куда проще было с людьми простыми и симпатичными, непохожими на гляцевые картинки; посмотришь, скажем, на боцмана МакКеллена, на его нос картошкой, и чувствуешь, что можешь нормально поговорить с человеком. При Лизиним, не слишком большом, круге общения ей не приходилось часто сталкиваться с существами, похожими на упавших с небес богов. Сокурсники не в счет. И вот – пожалуйста! Кажется, судьба на нее за что-то в обиде. Сначала забросила ее на борт корабля, поставила капитаном, а потом еще и свела с этим... этим... Катанским.

Хотя, если подумать, на небожителя он не слишком похож. Нос у него не безупречен, кривоват... И шрам на подбородке. Но, несмотря на все это, Лизе было страшновато. Во-первых, потому, что не знала, как себя с ним вести, а во-вторых – она пригласила его на ужин.

Возможно, нужно лишь проявить твердость и установить прочный контакт под названием «начальник-подчиненный»? Да, пожалуй, она так и сделает. На этом корабле у нее нет друзей, значит, будут исполнительные служащие. Лиза подошла к зеркалу и задумчиво посмотрела на себя. Если ей удастся, конечно.

А, в конце концов, почему бы и нет?!

Деться ей некуда. Папу разочаровывать тоже не хочется. И если судьба подбросила такую возможность – значит, это кому-то нужно? В первую очередь, самой Лизе. Папа прав: если она ничему не научится, то не выживет.

Начинать надо прямо сейчас. Лиза развернулась и решительно вышла из каюты.

– Гиви, мне нужно нечто особенное, понимаешь?

– Конечно, капитан! Как не понимать! Особенное! – повар весело подмигнул ей. – Сделаем все хорошо, пальчики оближете! Разве Гиви вас подводил?

– За время, прошедшее с нашего знакомства, ни разу, – честно признала Лиза.

– Вах, не беспокойтесь, Гиви все сделает!

Так, распоряжение насчет ужина отдано. Лиза улыбнулась, выходя из камбуза. Мужчины любят покушать; скормив первому помощнику энное количество великолепной еды, капитан может рассчитывать на смягчение его взгляда. Во всяком случае, Лизе хотелось в это верить.

Оставалась еще пара пунктов.

Глава 9

Валерий осторожно постучал в дверь капитанской каюты. Вот уже два часа, как «Лахесис» снялась с якоря и бодро рассекала волны, направляясь в Глазго. Изрядно повеселевший МакКеллен, предвкушая свидание с родиной, достал из заначки какой-то особо вонючий табак и продымил им всю кают-компанию, поэтому Валерий был даже рад своему свиданию с капитаном. Судя по доносившимся из камбуза аппетитным запахам, их ужин тет-а-тет был на подходе.

– Войдите, – послышался голос Лизоньки.

Катанский открыл дверь и, помедлив буквально секунду, вошел. Он и раньше бывал в этой каюте, здесь они с Петром Николаевичем, случалось, пили коньяк и обсуждали дела; и сейчас Валерий подсознательно ожидал увидеть шефа. Лизонька, даже в простом, но элегантном шелковом костюме, казалась фальшивой нотой в отлаженной симфонии корабельной жизни.

– Добрый вечер, – сказала капитан.

Валерий не удержался от одобрительной полуулыбки. Сейчас Лиза выглядела гораздо лучше, чем сегодня на палубе: волосы вымыты и уложены, на шее поблескивает тоненькая золотая цепочка; капитан будто стала выше – посмотрев вниз, Валерий понял, что причиной тому были элегантные туфельки на тонком каблуке. Каблук на корабле... Ну ладно. Главное, чтобы она не вздумала выходить в этой обуви из каюты. Гораздо интереснее, чем символизируют данные туфельки... Великий Боже, это что, свидание?

Впервые в жизни, оказавшись наедине с девушкой, он слегка растерялся. Даже в юные годы такого не случалось – выручало врожденное нахальство, которое помогало заговаривать зубы юным кокеткам. Но Лиза была менее всего похожа на юную кокетку. А еще она – капитан. Интересное кино. Отметив, что спокойствие вернулось, Валерий кивнул Лизоньке:

– Добрый вечер, капитан.

Она замялась, явно не зная, что делать дальше. Валерий не собирался ей помогать: застыв посреди каюты по стойке смирно, он буравил начальство взглядом, отчего Лизонька окончательно смешалась и даже слегка покраснела.

– Прошу вас, садитесь.

Чеканным шагом проследовав к столу, Валерий обозрел безупречную сервировку – интересно, это Гиви постарался или девочка все сделала сама? – и уселся на жалобно скрипнувший стул. Лиза стесненно села напротив, стараясь не глядеть на первого помощника. Валерий еще раз осмотрел стол – еды не наблюдалось.

– Слушаю вас, капитан.

– Нет, это я вас слушаю, – возразила она. – Вы сказали, что желаете побеседовать со мной. Ну, вот... беседуйте.

«Вот как!» Валерий позволил себе скупую улыбку. Нет уж, так не пойдет.

– Давайте, для начала, получше познакомимся, Елизавета Петровна. Наше общение сегодня было несколько... фрагментарным. – Лизонька кивнула.

– Да, я просмотрела вашу характеристику и прочие... бумаги, – тихо сказала она. – Я рада, что вы будете помогать мне, Валерий Александрович. Похоже, вы – компетентный специалист, – она прищурилась, – хотя профессия старпома не является вашей основной работой.

Она просматривала бумаги? Наверняка интересовалась у боцмана... А МакКеллен ничего ему не сказал. «Эти шотландцы!»

– Да, вы правы, Елизавета Петровна.

Она кивнула, но не сказала ничего. Валерий некоторое время ждал, и, не дождавшись, решил взять инициативу в свои руки.

– Позволено ли мне будет поинтересоваться, как вы находите этот корабль и команду? – светским тоном спросил он. Лизонька сидела напротив, комкала салфетку и смотрела куда угодно, только не на него. Ответила она не сразу.

– «Лаксис» – чудесный парусник, а команда очень приветлива. – Она, наконец, подняла глаза на Валерия. – Но ведь вы понимаете, что я никогда не была капитаном клипера и чувствую себя немного... не в своей тарелке.

Ему понравилось, что она сказала это прямо. Валерий улыбнулся и хотел начать заготовленную речь, но в дверь постучали. Лиза дернулась так, что зазвенели бокалы на столике.

– Это, наверное, ужин... Войдите!

Дверь распахнулась. На пороге нарисовался Гиви, торжественно несущий поднос. На подносе в зарослях петрушки спал, подавившись яблоком, молочный поросенок; судя по выражению его морды, он пребывал в нирване. Следом за коком вошел матрос со вторым подносом, полным закусок. Глаза Лизоньки округлились.

– Дорогая капитан, дорогой старпом, Гиви желает вам приятного аппетита! – провозгласил кок, ставя поднос посреди стола и нежно поглядывая то на Лизу, то на Валерия, то на поросенка. – Кушайте на здоровье!

– Сп... Сп... спасибо, – выдавила Лизонька, неотрывно глядя на сморщенное яблоко в поросячем рту. – Гиви, что это?

– Поросенок с гречкой! – сообщил кок. – Вах, пальчики оближешь! Никогда такой вкуснятины не ели, госпожа капитан, попробуйте!

– Да, спасибо, непременно. – Лиза сделала глубокий вдох. Матрос тем временем расставил закуски и разлил по бокалам вино. – Вы свободны, можете идти.

Гиви подмигнул Валерию, потом – старпому показалось – поросенку, и дверь закрылась. Лиза удрученно обзревала стол.

– Этот корабль полон сюрпризов, – наконец, сказала она. – Когда я заказывала Гиви свинину, то предполагала, что он принесет нам две тарелки с отбивными и несколько салатов. Я не рассчитывала на это... существо. – Она указала на поросенка. – Интересно, где Гиви его достал? Или на «Лаксис» есть целая ферма, только я до нее пока не добралась?

Валерий улыбнулся.

– Думаю, Гиви приобрел поросенка в Амстердаме, он ведь тоже сходил на берег. Фермы на «Лаксис» нет. Вернее, пока нет. Думаю, Гиви пожелает заpastись какой-нибудь живностью, если мы будем пересекать океан.

Судя по лицу Лизы, она не знала, будут они пересекать хоть какой-нибудь океан или нет. Девушка кивнула и снова жалобно посмотрела на поросенка.

– Старпом, вы не... разрежете его?..

– С удовольствием. – И он взялся за нож.

Пока он разделявал поросенка, царило неловкое молчание. Лиза смотрела в пустую тарелку, и не подняла глаза даже тогда, когда Валерий положил ей ее порцию. Девушка поковырялась в еде и положила вилку.

– Скажите, пожалуйста, Валерий Александрович, первый помощник – это просто название должности или вы и правда можете мне помогать... в чем бы я ни попросила?

– Ну, не во всем что угодно, – улыбнулся Катанский. – Если, к примеру, вы прикажете мне продать «Лаксис» в ближайшем порту, а деньги пропить вместе с вами, я решу, что вы перегрелись на солнышке, и помогать вам будет Гунтис, а не я.

Лизонька несмело улыбнулась в ответ на эту нескладную шутку. Черт, какая же она... зажатая! Валерий словно ступал по тонкому льду: вытащить Лизу из кокона застенчивости, и в то же время – сохранить между нею и собой необходимую дистанцию. «Помощник и телохранитель, но не... друг?» Приказа быть ей другом Петр Николаевич не отдавал. Интересно, рассчитывает ли шеф, что дочь подружится с командой, или же ему важен лишь ее рост как

руководителя? «Кто я – надежда и опора или воспитатель? Надо решить это для себя прежде, чем я начну основательно работать с ней».

– Я не буду приказывать вам продавать «Лаксис», – сказала Лиза тоном примерной первоклассницы. – Я лишь хотела узнать, насколько далеко простираются мои... полномочия.

– Ваши полномочия, капитан, ограничены лишь уставом и вашей совестью. Других границ... нет.

– Этих двух вполне достаточно, – вздохнула Лиза. – Особенно совести. Мне ужасно совестно просить кого-либо о помощи, знаете ли.

– Потому что вы со всем справитесь сама? – поддел ее Валерий.

– Но... но вы же видите, что я *не могу* справиться сама! – выдавила она.

Казалось, она сейчас расплчется. Ох, только женских слез ему и не хватало. Валерий быстро перебрал в уме варианты ответов. Утешить? Нет, тогда она спрячется за его спиной и больше оттуда не выйдет. Ободрить: «Не дрейфь, у тебя все получится?» – как выражается современная молодежь. Вряд ли она ему поверит. Прочсть лекцию о менеджменте? Наверняка Лиза слышала их в Мгимо – там она, как известно, учится, хотя ей больше бы подошел институт благородных девиц. А что, если...

– Капитан, если отступать некуда, самый простой способ сделать что-то – это взять и сделать что-то.

Она вскинула голову и посмотрела ему в глаза.

– Простите, кажется, я не совсем понимаю...

Валерий раскрыл ладонь, будто демонстрируя ей ситуацию.

– Взгляните сами. Вы оказались в роли капитана на судне, где нет ни единого знакомого лица, и проведете здесь около трех месяцев. Вам никуда не деться от нас, а нам от вас: вы – наш капитан, даже если это вас немного огорчает. Вам никуда не сбежать от этой ситуации, Елизавета Петровна. Почему бы не использовать ее во благо себе?

Валерий мысленно одернул себя: не стоит переходить на менторский тон. Лиза не должна ни на секунду забывать, что не она, а он у нее в подчинении. Но, кажется, она немного расслабилась. Валерий отметил, что диалог – эффективный способ работы с ней. Что ж, надо использовать ее умение говорить и слушать.

– Но я так мало знаю о мореходном деле, Валерий Александрович.

– В этом я могу вам помочь. У меня, по чистой случайности, оказалась с собой литература, которая поможет вам разобраться в странностях корабельной жизни. Вы читали что-нибудь... э-э-э... тематическое?

– Только Жюль Верна, – улыбнулась она. – И Стивенсона, и Даниэля Дефо... Я перечитала всю папину библиотеку приключений. Очень захватывающе.

Валерий усмехнулся.

– Сомневаюсь, что моя справочная литература приведет вас в такой же восторг, капитан. Но если вы, действительно, намерены изучать предмет, нет ничего лучше старых добрых учебников. – И, заметив, как расцвела Лизонька – видимо, при мысли о том, что нужно будет всего лишь засесть с книжками в каюте, – поспешил развеять ее розовые мечты: – И практических занятий.

Лицо Лизы слегка вытянулось.

– Практических занятий?

– Конечно. Неужели вы думаете, что изучить морскую науку можно без практики? Вам предстоит проверить полученные знания на деле. Понюхать, так сказать, соли.

– Или табака боцмана МакКеллена, – пробормотала Лиза.

Поросенок остыл, вино было выпито. Валерий поднялся.

– Спасибо вам за ужин, капитан. Позвольте мне удалиться. Прошу аудиенции завтра в две склянки третьей вахты. Мне нужны ваши распоряжения, и я принесу вам обещанное.

– Да, разумеется, – кивнула Лиза. По ее лицу невозможно было понять, что вынесла она из этого разговора. – Вы свободны.

Валерий по-военному коротко кивнул и направился к двери. Но, взявшись за дверную ручку, вспомнил кое-что еще.

– Позвольте вопрос, капитан.

– Позволяю. – Судя по кислому выражению лица Лизы, подобный способ общения ей не нравился. Валерий был спорить на что угодно, что любимые разговоры Лизоньки проходят в уютном уголке за чаем и печеньем. Катанский постарался убрать из голоса официозность.

– Скажите, вы вообще любите море?

Лиза моргнула. Ее неясного цвета глаза за дурацкими очками смотрели непонимающе.

– Ну... да, люблю.

– А корабли?

– Наверное.

– Если это все же не так, – мягко сказал Валерий, – постарайтесь полюбить и то, и другое.

Иначе учить морское дело не имеет смысла.

На этой полуфилософской ноте разговор завершился.

Глава 10

Едва за старпомом закрылась дверь, Лизонька бессильно обмякла в кресле и уронила скомканную салфетку на пол. Боже, это было... ужасно?

«Могло быть гораздо хуже», – иронически заметил внутренний голос.

Ну да, она могла бы в середине беседы вскочить, с воплем убежать прочь и выкинуться за борт. Нельзя сказать, что ей не хотелось. Особенно когда речь зашла о помощи. Лиза никогда не умела ее просить. Пытка, сплошная пытка отточенными фразами старпома и... и его зелеными глазами.

Он смотрел на нее так, будто видел насквозь. Да конечно, он и видит ее насквозь! Человек-рентген. Видит со всеми ее слабостями, страхами и комплексами. Опять захотелось расплакаться. Все против нее. Папа отправил ее сюда – учиться управлять, якобы, старпом, опять же, якобы будет ей помогать. Как можно помочь перестать быть собой?

И что за человек этот Валерий Катанский? Что теперь она знает о нем? Помимо того, что у него глаза – как озера... Фу, банально. Зеленое озеро Лиза когда-то видела: оно полностью заросло ряской и флегматично заболачивалось. Взгляд же светлых глаз Катанского похож не на болото, а на бритву. Как устрашающе романтично.

Нет, никакой романтикой тут и не пахнет. Она полная дурочка. Взять хотя бы этот ужин: могла бы и поинтересоваться, что собирается готовить Гиви. Очень странно получилось: он, она и поросенок с гречкой. Сбежать, сбежать, сбежать...

Но куда?

Валерий прав: отступать некуда, позади Москва... Она и вправду позади, а Лиза заперта здесь, на этом корабле и в этом огромном мире. Какая странность: из всего этого мира ей нужна лишь ее комната с книжными полками, мягкой кушеткой и мурлычущим котом Бонапартом. Ее судьба так трагична...

Стоп.

Лиза решительно выпрямилась. Хватит слезы лить. «Чувство собственного достоинства у меня все-таки есть».

А гордость? А смелость? Неужели это у нее тоже есть?

Невозможно перестать быть собой. Просто невозможно. Можно измениться как-то, где-то внутри. Можно, если хорошо постараться – и хорошо себя знать. Все свои недостатки, комплексы и страхи. И все свои достоинства. «Я знаю только недостатки. И есть ли вообще у меня достоинства?»

Как можно прожить на свете двадцать два года и не познакомиться с собой? Очень просто – если сбежать от себя всякий раз, как наткнешься.

Шизофренический самоанализ – не самое лучшее времяпрепровождение. Лиза встала и подошла к зеркалу. Оттуда на нее глянула растрепанная – когда успела? – и растерянная девушка. Кто она на самом деле?

«Проблема самоидентификации». Лизонька вздохнула. Ну, давайте начнем с основ.

– Я – Елизавета Данилова, – сказала она своему отражению в зеркале. Отражение скрипело. Нет, не так. Побольше уверенности в голосе. Я – это я. «И кто же я?»

– Я – Елизавета Данилова.

Неумеха и растяпа – вот что она произносит на самом деле.

Лизонька прочистила горло. Сейчас бояться некого, она осталась наедине с самой собой. Ей надо выяснить, как далеко она может шагнуть, чтобы не расплющить нос о ближайшего старпома.

– Я – Елизавета Данилова...

Нет. Лучше не стало. Ну что ж, попробуем по-другому.

– Я – капитан клипера «Лакесис».

Это прозвучало жалко. И смешно. «Проблема в том, что я сама себе не верю».

А как становятся капитанами? Наверное, сначала нужно полюбить море... Пойдите-ка, но разве не об этом говорил Катанский? Полюбить море и корабли. Прорву воды и плавающие по ней щепки... Нет! Чтобы полюбить, нужно понять.

Лиза закрыла глаза и попыталась *ощутить* парусник. Еле заметная качка, плеск волны за открытым иллюминатором. Тихо гудят огромные полотнища парусов, на которые мягко давит ветер. Над мачтами качаются звезды... Лиза и сама уже покачивалась – воображение говорило ей, что она больше не нерешительная девушка, а чудесный легкий клипер, летящий в беспредельность по темным водам...

И, как обычно в такие моменты, раздался стук в дверь.

Лизонька подскочила на месте и выдавила слабое:

– Войдите.

В дверях замаячили усы Гиви: видимо, кок явился убрать со стола.

– Дорогая Елизавета, вам понравился ужин?

– О, да. – Она нашла в себе силы улыбнуться. – Спасибо, Гиви. Хотя ваш выбор главного блюда был несколько неожиданным.

– Вы никогда не видели поросят? – озадачился кок.

– Только на картинках, – призналась Лиза, – но не в этом дело. Впрочем... неважно. – Она улыбнулась озадаченному грузину. – Спасибо, Гиви. Ваше мастерство определенно спасло хотя бы часть этого вечера.

Кустистая бровь кока вопросительно подпрыгнула.

– Что, так все плохо?

– Не то чтобы плохо, – честно ответила девушка, – но немного странно.

Лиза чуть помедлила, но все-таки решилась:

– Плохо, совсем.

Кок покачал головой и поцокал языком.

– Жизнь полна странностей, дорогая Елизавета, но она прекрасна, – провозгласил этот горный философ. Воздев к потолку нож с налипшей на него гречкой, он продекламировал:

*– Ты скажешь, эта жизнь – одно мгновенье,
Ее цени, в ней черпай вдохновенье,
Как проведешь ее, так и пройдет,
Не забывай: она – твое творенье!*

Рубаи Омара Хайяма с грузинским акцентом – это нечто, решила Лизонька. Она разве-селилась.

– Вы любите поэзию, Гиви?

– О, да! В трудные минуты я всегда обращаюсь к классике, и она никогда меня не подвела! Откройте любую книгу любого великого поэта, и вы найдете ответы на все свои вопросы!

Лиза с сомнением покачала головой. Многие поэты, конечно, были гениями, но искать у них совета, как стать капитаном клипера, – это, по меньшей мере, самонадеянно. Однако, когда Гиви закончил уборку и испросил разрешения удалиться, Лиза подождала, пока за ним закроется дверь, и шагнула к книжным полкам. В отцовских книгах отыскалось несколько томиков золотой серии. Лиза открыла первый – наугад.

*Я – конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,*

То наклоняясь к пропастям и безднам.

*Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в свою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном...*

Лиза перевернула томик – Гумилев... Строки сонета вызвали в ней смутное беспокойство. Ей казалось, что она в двух шагах от какой-то разгадки, но никак не может поймать нужную мысль. Куда бежать, когда бежать некуда? Как ей выполнить волю отца, если она даже не знает как, не говоря уже о том, что ей совсем не хочется это делать?..

В задумчивости Лиза поставила томик на полку, сменила туфли на кроссовки и вышла из каюты.

Клипер шел прямо в полосу заката – на запад. Палуба покачивалась под ногами. У штурвала снова стоял МакКеллен – видимо, шотландцу казалось, что если он сам будет вести корабль, то приблизит свидание с родиной. Наполненные ветром паруса еле слышно гудели – так, как Лиза себе и представляла. Определенно, несложно полюбить «Лакхесис».

– Добрый вечер, капитан, – негромко окликнул ее боцман. Если он и удивился по поводу ее парадного наряда – костюм, в котором ужинала с Катанским, Лизонька так и не успела сменить, – то ничем этого не выдал. Трубка в его зубах исходила на редкость вонючим дымом. Лиза едва подавила кашель.

– Добрый вечер, боцман. Вы снова на вахте?

– Да, мне нравится стоять у руля, – ответил он, тем самым, подтвердив ее предположения. – А вам не спится?

– Еще рано. Я решила подышать свежим воздухом.

– А-а, – МакКеллен хмыкнул, похоже, одобрительно.

«Лакхесис» вовсе не была пустынной – с полубака доносились веселые голоса, один матрос возил шваброй по палубе, еще один зачем-то карабкался наверх по всем этим переплетениям веревок, у каждой из которых – Лиза догадывалась – есть свое название. И ей предстоит их выучить. Может быть, стоит начать свое знакомство с кораблем прямо сейчас? Старпом что-то говорил о практических занятиях, но не упоминал о том, что они обязательно должны происходить под его надзором. И вообще, тут главная она, а не этот зеленоглазый супермен. Лиза обнаружила, что немного разозлилась на Катанского.

Набрав воздуха в грудь, она выпалила:

– Боцман МакКеллен!

– Да, кэп? – он изобразил на хитрой физиономии вежливое удивление. Лизу так и подмывало ответить: «Нет, ничего», – и удрать в свою каюту, да только вот Катанский прав: нужно делать, а не бежать. И будь что будет.

«Я – конквистадор в панцире железном...»

– Вы не могли бы... дать мне поддержать штурвал? – прозвучало это удивительно по-детски, будто она выпрашивала у боцмана большую взрослую игрушку.

МакКеллен, казалось, удивился.

– Почему бы и нет, капитан, – ответил он после некоторой заминки. – Прошу вас.

Лиза поднялась к нему. Боцман отодвинулся, давая ей место. Девушка нерешительно потянулась к отполированным ручкам штурвала. МакКеллен, не церемонясь, взял ее ладони и положил их на нужные ручки.

– Вот так, кэп.

Лизонька вцепилась в штурвал, как в спасательный круг. МакКеллен дышал у нее над ухом.

– Расслабьтесь, кэп, – сказал он тихо. – Моя леди очень послушна. Она не попытается удрать от вас.

Лиза глубоко вздохнула и слегка ослабила хватку. Судорожно сведенные пальцы почувствовали, из какого теплого и гладкого дерева сделаны ручки штурвала. Лиза ощутила себя в центре событий – именно от нее сейчас зависит, куда повернет корабль... Нечего тешить себя необоснованными надеждами – одернула себя девушка: тут все зависит не от нее. Но если на миг представить, что это так... Лизонька снова перевела дыхание и посмотрела вперед: золотая фигура Лахесис летела над волнами, купаясь в сиянии заката. Пронзительно крикнула чайка. Облитые золотистым светом паруса высились над палубой, как облака, – настоящая сказка. Море в ультрамариновой дымке дышало йодистой свежестью. Лиза почувствовала себя так, будто за ее спиной распахнулись крылья; ей захотелось заплакать и засмеяться одновременно.

– А говорят, что люди не умеют летать, – пробормотала она. – На кораблях – умеют...

Боцман, явно приятно изумленный этой вспышкой сентиментальности, сказал не без гордости:

– Да, клипера похожи на птиц. Не зря ведь говорят, что они летают по волнам. Помню, когда я впервые встал у штурвала «Лахесис», у меня было такое чувство, будто я оседлал ветер. – И, немного смущаясь из-за собственных слов, добавил уже знакомую фразу: – Моя леди – настоящее чудо.

А командовать этим чудом поставили чучело, со вздохом подумала Лизонька. Нет, наверное, эта парусная сказка не для нее. Она чуть подалась назад:

– Возьмите штурвал, мистер МакКеллен.

Его мозолистые руки взялись за те ручки, за которые только что держалась она – и выглядели там гораздо более уместно, чем ее ладошки. Ну что ж, ей тоже удалось прикоснуться к мечте. Но на корабле каждый должен заниматься своим делом.

– Спасибо вам, – сказала Лиза.

Он вскинул кустистые брови:

– Что вы, кэп! Вы имеете полное право стоять у руля!

Нарочитая двусмысленность фразы, вкупе с ироничным взглядом боцмана, заставила Лизу смутиться. Ну вот, опять. Неужели она никогда не научится отвечать на такие подколки? Пробормотав слова прощания, Лиза развернулась и сбежала.

В своей каюте она свернулась клубочком на кровати и задумалась. За открытым иллюминатором тихо плескалась вода.

«Я – Елизавета Данилова, капитан клипера „Лахесис“... – Лиза сморщила нос. – Сегодня я попросила боцмана уступить мне место у руля. И он уступил. Странно. Будь я на его месте, ни за что бы не доверила штурвал глупой девчонке».

Ну да, она для МакКеллена – всего лишь девчонка, дочка богатого папы, который по лишь ему одному ведомой прихоти сделал ее капитаном этого парусного чуда. Она обещала отцу, что попытается справиться. А вместо этого лежит и переживает.

«Но я не могу измениться вот так, сразу».

Сразу люди меняются лишь в случае сильнейших потрясений – Лиза читала об этом в книгах. Остальные становятся другими медленно, постепенно. Однако для этого нужно что-то делать, а не думать о том, какая она несчастная. Но как стыдно перед боцманом! И перед всеми остальными... Лизу посетило знакомое желание забиться в самый дальний, темный угол и не вылезать оттуда, пока все о ней не позабудут. Как показал опыт, это ни к чему хорошему не приводит: ее вытащат, отряхнут и выставят на всеобщее обозрение еще более жалкой, чем она была до этого. И боцман опять будет насмешливо смотреть на нее. Насмешливо и... презрительно. Лизе казалось, что за проблеск уважения в глазах МакКеллена она готова отдать полжизни. Она вдруг поняла: ей хочется доказать свою состоятельность именно ему. Не отцу,

который сейчас далеко и не видит ее, не первому помощнику и даже не всей команде клипера, вместе взятой, – боцману МакКеллену. Если она докажет ему, что чего-то стоит, то... что тогда? Лиза не знала, но была уверена: обязательно случится что-нибудь хорошее. Хуже, уж точно, не будет.

«Я так не хочу ломать себя... Но... но это совсем другое. Я не ломаю. Я ищу».
С этой мыслью она и заснула.

Глава 11

Проснулась Лиза на удивление рано: часы показывали семь. Если верить тем подсчетам, что она сделала в первый день на бумажке, сейчас еще не закончилась вторая вахта. А старпом просил аудиенции... как это он там сказал... «в две склянки третьей вахты». Как неудобно считать время в склянках. Банки, склянки... Девять часов утра – гораздо более понятное время.

«Эти моряки все с причудами», – подумала Лиза и попыталась сформулировать своими словами то, что прочитала в морском справочнике.

Моряки называют песочные часы «склянкой». Этим же словом обозначается получасовой промежуток времени от начала четырехчасовой вахты, число пробитых склянок обозначает время суток. Счет склянок начинается с нуля часов тридцати минут – одна склянка, две склянки – в час, три – в час тридцать и так до восьми склянок – в четыре часа. После этого начинается новый отсчет от одной до восьми склянок. Такой подсчет времени сложился не случайно. Поскольку служба и жизнь на корабле регламентируются промежутками времени, называемыми вахтами, моряки, не глядя на часы, а только по числу склянок могут определить, который полчас пошел с момента их заступления на вахту. Всего вахт в сутках – шесть, по четыре часа. Первая вахта начинается в полночь.

Только вот изложено все это в справочнике было одним запутанным предложением длиною в жизнь.

Интересно, чтобы стать настоящим моряком, ей тоже придется срочно обзавестись списком милых чудачеств? Начать носить килт и курить трубку? Или коллекционировать скальпы врагов? Лизонька содрогнулась: врагов у нее, слава Богу, нет. А представив себя в килте и с трубкой в зубах, сдавленно хихикнула. Интересно, что подумала бы команда, узрев ее в таком виде?

Приняв душ и одевшись в повседневную форму – гулять, так гулять! – Лиза вышла в кают-компанию и обнаружила там пьющего кофе Коркунова. Больше никого не наблюдалось: видимо, офицеры уже позавтракали и отправились выполнять свои обязанности. Интересно, почему Коркунов сидит тут? Лейтенант отставил чашку, встал и вытянулся во фронт.

– Доброе утро, капитан!

– Доброе утро, лейтенант, – вежливо откликнулась Лиза. Что еще ему сказать, кроме «вольно», она не знала.

Услышав кодовое слово, Коркунов уселся обратно.

– Не желаете кофе, капитан?

– Благодарю, не откажусь. – Она уселась в кресло напротив него и с благодарностью приняла из его рук чашку. Кофе обжег небо. Лиза начинала понемногу просыпаться.

– Вы... э-э... не на вахте, лейтенант? – она никак иначе не могла сформулировать вопрос «Почему вы ничем не заняты?». По глубокому убеждению Лизы, на этом корабле все пахали с утра до вечера, и только она умудрялась уклоняться от исполнения служебных обязанностей. «Ну и что! Вольна делать все, что угодно».

Коркунов улыбнулся ей, продемонстрировав великолепные зубы:

– Я стоял первую вахту, кэп. После чего имел законное право отправиться спать, но мне не хотелось. Я нашел в кают-компании эту книгу и вот, читаю. – Он помахал «Воротами Расёмон», видимо, забытыми здесь Лизой вчера.

– Вы увлекаетесь японской литературой? – спросила она, чтобы поддержать разговор. Коркунов пожал плечами.

– Не могу сказать, что прочел много произведений, написанных японскими авторами. Мне понравилась «Исповедь маски» Мисимы Юкио. Но я больше люблю русскую литературу.

«Патриот, да!» – внутренний голос Лизоньки почему-то говорил с интонациями Гиви.

Следующие полчаса прошли в оживленном обсуждении литературных произведений как таковых, и Лиза почти избавилась и от сна, и от смущения, сковывавшего ее каждый раз, когда требовалось высказать свое мнение. Ей казалось, что люди, не входящие в узкий круг единомышленников, собирающихся за чашкой чая, могут посмеяться над нею или посчитают ее глупой. Но обсуждать с Коркуновым китайскую поэзию оказалось неожиданно легко. Молодой человек, блестяще образованный, настроенный явно дружелюбно и внимательно выслушивающий ее без тени насмешки на красивом лице, – возможно, ее первый друг здесь? Он не пытался ее подкалывать или учить жить, он просто говорил с ней. Лиза приободрилась. Может быть, все не так сложно в жизни, а трудности она сама себе придумала?

Иллюзия собственной состоятельности разрушилась с появлением в кают-компании боцмана МакКеллена. Шотландец взглянул на Лизу и Коркунова явно неодобрительно, сухо поинтересовался текущими распоряжениями и, не получив их, удалился, демонстративно аккуратно закрыв дверь. Лейтенант, приподняв брови, проводил его удивленным взглядом.

– Наш боцман не с той ноги сегодня встал. Интересно, что его так расстроило?

«То, что его непутевый капитан пьет кофе с представителями личного состава, вместо того, чтобы учиться, учиться и еще раз учиться. Как завещал великий Ленин». Вздохнув, Лиза отставила чашку и встала. Коркунов немедленно поднялся тоже.

– Было очень приятно побеседовать с вами, лейтенант.

– Не более, чем было приятно мне, кэп! – галантно поклонился молодой офицер. – Я надеюсь, когда-нибудь мы продолжим нашу увлекательную беседу?

– Разумеется. – Лизонька улыбнулась ему и удалилась в свою каюту. Пора было подготовиться к встрече с этим непонятным старпомом. Интересно, а какую литературу предпочитает Катанский? Что она знает о нем, кроме сухой характеристики в его личном деле? Не человек, а супермен какой-то: привязанностей никаких, увлечений никаких, одна страсть – исполнение долга. Так не бывает. Или она невнимательно читала бумаги?

Причесываясь, Лиза твердо решила в ближайшее время снова добраться до личного дела Катанского и ознакомиться с ним получше.

Валерий сдул пылинку с рукава, переложил книги из правой руки в левую и постучал. Дождавшись негромкого «войдите», он открыл дверь и шагнул через порог капитанской каюты. Лиза сидела за столом, погруженная в чтение книги в мягкой обложке. Наверняка любовный роман. Что еще может читать подобная девушка? Валерий едва заметно поморщился: у него была аллергия на такого рода литературу.

– Доброе утро, Елизавета Петровна.

– Доброе утро, Валерий Александрович.

Официальный обмен приветствиями завершился, и повисла пауза. Лиза еще некоторое время смотрела в книгу, видимо, дочитывая главу, потом закрыла томик и приглашающим жестом указала на кресло:

– Прошу вас, садитесь.

Валерий уселся, положив книги на колени. Лиза, одетая по всей форме, с распущенными волосами и в ужасных очках, напомнила ему ручную обезьянку, засунутую в капитанский китель. Смешное и грустное зрелище. Некоторым, правда, нравится. С обезьянками даже фотографируются... Валерий одернул себя. «Это предубеждение. Она тебе ничего плохого не сделала. Внутренне высмеивать человека – не слишком благородное занятие».

В самом деле, почему он так относится к Лизе? Потому, что назначение ее капитаном – явный, совершенно ненужный, деспотизм? Потому, что она вносит сумбур в привычный распорядок вещей? Ему не привыкать к сумбуру. Так что же в ней ему так не нравится? Валерий считал себя человеком, способным бороться с предубеждениями. Он ведь всего пару дней с

ней знаком. Нельзя позволять негативному мнению развиваться в локальную паранойю. Лиза этого не заслужила. Наверное.

– Старпом? – голос девушки вывел Валерия из состояния задумчивости. – Вы начнете излагать ваше дело или мы будем молчать?

Ну, надо же, острит. Интонациям не хватает ядовитости МакКеллена, однако, это уже определенный прогресс. Валерий кашлянул. «Опомнись, парень, это все-таки не дрессированная обезьянка!»

– Прошу прощения, капитан, я задумался. – Ее глаза за бликующими стеклами очков были непонятные. Интересно, какого они цвета? – Я принес книги, о которых говорил вам вчера. Извольте ознакомиться.

Лиза изволила. После нескольких минут напряженного шуршания, во время которых ее лицо становилось все более несчастным, она выдавила:

– И что, все это мне предстоит выучить?

– О, это только начало! – многообещающе заверил ее Валерий. – Если вы обратили внимание, это учебники для кадетов младших курсов мореходных училищ. Только общие знания, которые послужат трамплином для дальнейшего обучения.

Лизонька перелистывала страницы, испещренные непонятными ей терминами.

– Но здесь же ничего не понять!

– Для вашего удобства, – любезно сказал Валерий, – я приложил к учебной литературе краткий морской словарь.

Лиза взвесила в руке полукилограммовую книжицу и неопределенно хмыкнула.

– Но мое плавание на «Лаксис» завершится через три месяца. Возможно, моя жизнь никогда не будет больше связана с кораблями. – Слова «к счастью» повисли в воздухе. – Зачем мне знать так много?

– Генри Форд считал, что руководитель должен знать о своем предприятии все, – ответил Валерий. – Я целиком и полностью согласен с этим мнением. Нельзя руководить людьми, не имея понятия об их работе. Вам необязательно уметь делать все, что делают они. Но понимать вы должны.

– Наш преподаватель менеджмента в Мгимо придерживался такого же мнения, – сказала Лиза.

– И как, вы с ним согласны?

– Вполне. – Она взглянула на кипу книжек и улыбнулась. – И вы захватили все это с собой случайно, хм?.. Ну что ж, надо так надо. Кстати, одним из ваших советов я уже воспользовалась.

– Прошу прощения?

– Вы советовали мне полюбить море и «Лаксис». – Ее улыбка стала смущенной. – Ну вот, я и...

– Что, так быстро? – Валерий не удержался от ответной улыбки.

– Это совсем несложно.

Он кивнул. Ее улыбка ему понравилась. Неуверенная, но приглашающе открытая: вот, я такая, какая есть. Искренняя улыбка. Людям определенно идет, когда они начинают расти над собой. Маленький прогресс. Крошечный шаг в светлое будущее. Построение коммунизма на отдельно взятом клипере... Тьфу.

– Ну что ж, а теперь вам предстоит более сложная задача: узнать, из чего сделано море и парусник.

– Море состоит из воды, – протянула Лизонька. Подумала и добавила: – Соленой.

– Море – это еще и течения, ветра, рифы и...

– И пираты! – закончила она с энтузиазмом. Валерий усмехнулся.

– Нет уж, давайте обойдемся без пиратов. – Он выудил из стопки нужную книгу. – Прочтите первую главу. А лучше сразу и вторую, и третью. Если что-то будет непонятно, не стесняйтесь интересоваться у словаря или меня. Считайте меня ходячим справочником.

– О, конечно. – Она перестала улыбаться, снова замкнувшись в себе. – А когда мы приступим к практическим занятиям?

– Чем раньше, тем лучше. – Валерий полагал, что чем скорее он вытащит ее из норы – капитанской каюты – тем быстрее и очевиднее пойдет процесс обучения. Пусть девушка привыкает к тому, что от судьбы не уйдешь, а от старпома – тем более. – Думаю, вскоре вы сможете стоять на вахте, капитан.

Судя по выражению ее лица, слова «стоять на вахте» ассоциировались у Лизы с пытками времен Великой Инквизиции, а не с корабельным дежурством. Интересно, а старпом не кажется ей Торквемадой? Валерий представил себя в роли одетого в черный балахон инквизитора, заносящего раскаленный железный прут над дрожащей от ужаса хорошенькой юной грешницей. Нет уж, это не его ампула. Да и грешница не слишком хорошенькая, хотя и юная. Грехов у нее – кот заплакал. «Полная амнистия... Ну нет. Так просто ты от меня не уйдешь».

– А когда мы прибываем в Глазго?

– Завтра утром. Вы сойдете на берег?

Она пожала плечами.

– Разумеется. Я никогда не была в Шотландии.

– Желаете совершить поездку по стране? – Если она ответит «да», то придется отговаривать: это не входит в планы. К счастью, Лизонька не додумалась до такого изысканного способа бегства с корабля: она покачала головой.

– Экскурсии по городу будет достаточно. – Помолчав – видимо, собираясь с духом, – она сказала: – Передайте боцману МакКеллену мое пожелание – я хочу, чтобы он сопровождал меня на берегу. Его комментарии обещают быть достаточно интересными – ведь это его родной город, если наш боцман, конечно, не родился где-то в горах, в окрестностях озера Лох-Несс.

Валерий удивленно приподнял бровь. Она опять шутит? Но лицо Лизы вдруг стало до ужаса непроницаемым, остро напомнив Катанскому ее отца. В девочке гораздо больше наследственности, чем она сама предполагает.

– Хорошо, кэп. Вы хотите, чтобы еще кто-нибудь вас сопровождал? – если она сейчас не пригласит его, придется напрашиваться: приказ Петра Николаевича насчет охраны дочери был абсолютно ясен.

– Вы, старпом. Если вас не затруднит, – сказала она почти испуганно. Он улыбнулся ей, но эта улыбка произвела эффект, обратный успокаивающему: Лиза даже чуть подалась назад. Черт, неужели он так страшен, что девушки его боятся? Эта мысль неожиданно уязвила Валерия.

– Не затруднит, мой капитан, – ответил он спокойно. – Разрешите идти?

– Да, благодарю вас. И... пришлите ко мне господина Улманиса. Мне нужно с ним поговорить.

– Хорошо, Елизавета Петровна.

Поднимаясь, он бросил взгляд на ту книгу, что она читала, когда он пришел. Вопреки предположениям, это оказался не любовный роман, а классическое «Паломничество Чайльда Гарольда». Тематическая литература, хотя и очень печальная. Валерий предпочел бы, чтобы Лиза настроилась на более оптимистичный лад.

Ну вот. Он уже считает ее своей воспитанницей.

Глава 12

– Я ведь неплохо держалась? – спросила Лиза у своего отражения.

Пора заканчивать с разговорами с зеркалом. Это пахнет шизофренией. Тем более, в дверь уже стучат: явился судовой врач. Громко сказав «войдите», Лиза прошествовала к столу и уселась обратно в кресло.

– Гунтис Улманис по вашему приказанию прибыл!

Напоминает военные фильмы:

«– Рядовой такой-то прибыл!

– А-а, рядовой такой-то! У нас для вас задание! Идите брать языка!»

– Рядо... В смысле, господин Улманис! Вольно... – Кодовое слово, провоцирующее условный рефлекс: все сразу становятся похожи на людей. Почувствуй себя Павловым. – Не могли бы вы оказать мне помощь в некоем деликатном деле?

На лице прибалта не отразилось никаких эмоций.

– Слушаю вас, капитан.

– Мне хотелось бы заменить вот это, – Лиза помахала снятыми очками, – на что-нибудь более удобное. Что бы вы мне порекомендовали?

Врач посмотрел на нее с тягучей задумчивостью во взгляде.

– Если вы не хотите носить очки, капитан, я бы посоветовал вам перейти на контактные линзы. – Тут он заметил томик Байрона, лежащий на краю стола. Лиза изумленно моргнула: лицо латыша наконец-то выразило хоть что-то! Этим «чем-то» оказалась целая гамма чувств, от изумления до обожания. Во всяком случае, Лиза решила, что это – обожание. – Вы читаете Байрона, капитан!

– Э... а вы любите Байрона?

– О, да! Он гений. Я могу цитировать «Паломничество» с любого места. – И без всякого перехода заунывно взвыл: – Страданье иль убьет, иль умирает, и вновь, невольник призрачных забот, свой горький путь страдалец повторяет...

Лиза ошеломленно слушала завывающего врача. Это не корабль, это книжный клуб какой-то. Впрочем, Байрон вполне в духе фаталиста Улманиса. Девушка тихонько кашлянула, прерывая декламатора.

– Я рада, господин судовой врач, что ваши интересы столь... широки. Мне тоже очень нравятся произведения Байрона, особенно «Каин». Но, может быть, мы вернемся к вопросу о линзах?

– О... да, конечно. – Глаза Улманиса, затуманенные поэзией, приобрели более осмысленное выражение. Но теперь он смотрел на Лизу несколько иначе. Проблеск уважения? Нет, не стоит надеяться. – Вы можете приобрести их в любой оптике. Там вам подберут линзы и расскажут, как ими пользоваться. Это довольно просто. Если ваши глаза «примут» их, вы скоро будете недоумевать, как обходились без них раньше.

– А можно сделать это в Глазго?

– Разумеется, капитан, это же город, там живут люди. Значит, и оптики есть.

Это что – латышское чувство юмора? Лиза решила, что да. Ну, ответ на свой вопрос она получила, пора и честь знать.

– Благодарю вас, вы свободны.

Судовой врач ушел, оглядываясь и бормоча что-то. Лиза некоторое время смотрела на закрывшуюся дверь, потом перевела взгляд на учебники. «Первую главу, потом вторую и третью», – наставительно прозвучал в голове голос старпома. Лиза не числилась среди лучших студентов Мгимо, но училась совсем неплохо: помогала усидчивость и хорошая память. «Если я постигла азы международного бизнеса и делового администрирования, то разберусь и в этом».

Перед четвертой вахтой, которую нужно было отстоять именно ему, Валерий заглянул на камбуз выпить кофе. Гиви приветствовал его взмахом белоснежного полотенца и демонстрацией впечатляющего ряда белоснежных же зубов – то бишь улыбкой.

– Валера, дорогой! Чай, кофе?

– Потанцуем, – хмыкнул старпом. – Кофе, Гиви, как всегда.

В камбуз быстрым шагом вошел Гунтис Улманис. Вечно флегматичный прибалт, на сей раз, был чем-то взволнован – зрелище настолько нетипичное, что Валерий встревожился.

– Гиви, налейте мне кефиру, прошу вас. Двойную порцию! – латыш плюхнулся на стул.

– Гунтис, вы были у капитана? – осторожно осведомился Катанский. Врач скользнул по нему невидящим взглядом.

– О, да!

– С ней что-то не в порядке? – еще осторожнее спросил Валерий.

– Наоборот! – возразил Улманис с несвойственным ему энтузиазмом. – Раньше я думал, что с ней что-то не так, но теперь понял, как жестоко ошибался! Да, нелегко путь страданий и ошибок.

Валерий переглянулся с заинтригованным Гиви и спросил:

– Может, вы поясните свои слова, господин Улманис?

– А! Она читает Байрона! – махнул рукой латыш, но, увидев, что кок и старпом продолжают непонимающе смотреть на него, счел нужным пояснить: – Эта девушка читает Байрона – она не безнадежна! Это свидетельствует о высоком коэффициенте умственного развития.

– Байрона проходят в средней школе, – заметил Валерий.

– Но суметь понять, оценить! Я ошибался в ней. Она чудесная женщина. – И, прихватив стакан с недопитым кефиром, врач убрёл из камбуза. Валерий и Гиви проводили его озадаченными взглядами.

– Влюбился? – предположил кок.

Старпом только молча покачал головой. Влюбиться в такую девушку, как Лиза, может лишь безнадежный пессимист-романтик, вроде Улманиса. А здравомыслящие мужчины предпочитают... «Кого?» – шепнул живущий в глубине души бесенок. Ну, не таких, как Лиза, это точно.

Три главы Лиза осилила за рекордный срок и отложила учебник. «Случайная» литература старпома оказалась легким чтением для начинающих, вроде азбуки. Морской словарь девушка пролистала и тоже отложила. Возможно, имеет смысл взять его и прогуляться с ним по палубе. «Бензель – перевязка двух тросов тонким тросом или линею. Если она делается тонким тросом, то называется найтовом». Никаких ассоциаций. Если кто-нибудь ткнет ей пальцем в этот самый бензель, вдруг поможет?

Лиза открыла другую книгу. О, история парусных судов! Пожалуй, это она почитает сегодня на сон грядущий.

В открытый иллюминатор светило солнце, нежно плескалась за бортом вода. Лиза почти задремала над книгами... «Лаксис» замерла в сонном мареве. Наверное, чайки над мачтами тоже спят. Корабль уснул...

Глаза Лизы распахнулись. Постойте-ка! Клипер должен двигаться. Или они уже пришли в Глазго? Но по графику, корабль должен быть там завтра утром. А сейчас он обязан весело лететь по волнам. Что произошло?

Рассеянно прихватив морской словарь, Лиза вышла из каюты.

На палубе было жарко и тихо. На мостике стоял хмурый Поляков. Лиза кивнула ему и побрела по прожаренным солнцем доскам вперед, к носу. Паруса клипера бессильно повисли, «Лаксис» застыла, оказавшись в плену затишья. «Штиль. Так вот в чем дело».

Небо казалось бледно-голубым, почти белым. Невыносимо было смотреть на солнце, висящее в зените. И это в северных широтах! На юге, наверное, люди поджариваются мгновенно, как живые рыбы, брошенные на раскаленные камни.

У основания фок-мачты расположилась группа матросов – человек пять, в том числе, уже знакомый девушке Алиев. Лизу они не видели, и она остановилась подальше от них, облокотилась о поручень и стала наблюдать, как плещется бессильная вода. «Лаксис» все-таки двигалась, но почти неощутимо. Течения? Ох, о течениях она ничего не знает. Равно как и о рифах. Только о пиратах наслышана.

– Ты знаешь еще кого-нибудь лысого? – долетел до Лизы обрывок разговора. Она бросила короткий взгляд на матросов: они передавали друг другу какую-то бумажку, лица у них были озабоченные, а Алиев в волнении грыз авторучку.

– Помню, учился со мной один парень. Он голову все время налысо брил. Это считается?

– Нет.

– А я думаю, да.

– На «Коршуне» шкипер лысый был. Только я не помню, как его звали.

– Не помнишь, и молчи. Что толку.

– Вспомнил! – матрос постарше, с кривым носом, взял у Алиева авторучку. – Курзунов Григорий Игнатьевич, вот. Лейтенантом ходил на «Асбесте».

– В точку. Еще одного нужно.

– Ну, давайте запишем бритого!

– Ну, давайте. Черт с вами.

– Пиши: Михаил Тропарев его звали...

– Готово.

Бумажку рассмотрели со всех сторон и одобрили. Потом кривоносый матрос скомкал ее, размахнулся и бросил. Белый комочек улетел за борт и сиротливо закачался на волнах. Лиза изумленно наблюдала за действием. Это языческий обряд, или как?

– Ну, все, Алиев, готово. Скреби!

Лиза выпрямилась: матрос Алиев приник к мачте, скребя ее пятерней и слегка посвистывая. Остальные заворожено наблюдали, покачиваясь в некоем подобии транса. Лиза ошарашенно моргала. Это конец, папа загнал ее на корабль, полный язычников. Сейчас они помедитируют, а потом зайдут на камбуз, возьмут ножи и пойдут ее резать, как поросенка с гречкой...

Не в силах справиться с любопытством, девушка сделала несколько шагов по направлению к группе и громко кашлянула.

Результат был удивительным: пара секунд – и все пятеро стоят перед нею навтыжку, в том числе и Алиев, оторванный от мачты капитанским покашливанием. Лица непроницаемые, глаза немного виноватые.

– Господа... вольно. – Лиза помолчала и робко осведомилась: – Вы зачем в море мусорите? Зачем мачту скребете?

Взгляды обратились на кривоносого – видимо, группа негласно выбрала его спикером. Спикер откашлялся.

– Разрешите доложить, капитан...

– Как вас зовут? – прервала его Лиза.

– Старший матрос Леонид Вейнберг, кэп. Мы... – он замялся. – Ветер приманивали.

– Простите, что?

– Поверье такое есть, – смущенно сказал Вейнберг. – Чтобы, значит, ветер приманить, надо на бумажке имена десятерых лысых написать, потом за борт выбросить и мачту поскрести.

– Поверье. – Лиза оглядела пятерых суеверных матросов и вздохнула: – Свободны...

Ну, надо же додуматься – мачту скрести! И лысых записывать. Чем эти лысые помогут? В паруса будут дуть, что ли?

Матросы разбрелись. Лиза испытывала странное ощущение: оказаться не глупой стороной в дурацкой ситуации. Обычно бывало наоборот: она казалась полной дурочкой, а окружающие недоуменно смотрели на нее и из жалости не комментировали ее действия. Хотя поведение матросов нельзя назвать особенно дурацким. Может, они и правда в это верят. Вера, говорят, горами движет.

Взглянув на зажатый в руке морской словарь, Лиза побрела обратно на мостик. Поляков встретил ее сдержанным приветствием и коротким докладом на тему «В Багдаде все спокойно». Даже слишком спокойно, судя по кислым лицам двух вахтенных матросов, которым было нечем заняться.

Старпом велел ей спрашивать у него разъяснений, если что-то покажется непонятным. Но старпома вблизи не наблюдалось, а искать его Лизе не хотелось. Поляков – тоже офицер, и вполне может ей помочь. К тому же, девушка не оставляла надежды с ним подружиться. В отличие от общительного Коркунова, Поляков оставался замкнутым, на ее вопросы отвечал односложно и обращался всегда по форме. Но он был гораздо менее пугающим, чем старпом.

Лиза решила:

– Лейтенант, не могли бы вы немного помочь мне?

– Да, капитан.

– Я только начала изучать морское дело, и мне бы хотелось чему-нибудь научиться на практике... – Она очень старалась, чтобы ее тон казался непринужденным. – Мне хотелось бы узнать, как выглядят некоторые вещи на корабле, о которых я читаю. Ну... где на корабле, например... беседочный узел?

Лицо Полякова осталось непроницаемым, а вахтенные матросы переглянулись. Она сказала что-то не то?

– Да, безусловно, кэп, – ровным голосом ответил лейтенант. – Сейчас, кэп. Новиков, – бросил он через плечо одному из матросов, – принеси мне трал.

Матрос вернулся через минуту с куском веревки, длиной около метра. Поляков взял этот кусок и проделал с ним несколько неуловимых манипуляций, пока ровно посередине не завязался сложный узел. Веревку лейтенант вежливо протянул Лизоньке.

– Вот, капитан, беседочный узел, – спокойно сказал Поляков. – Сейчас он на мостике, но может впредь находиться в вашей каюте.

– Спасибо. – Лиза приняла веревку у него из рук. Матросы едва сдерживали улыбки. А она – слезы... Сбежать, сбежать немедленно! – Благодарю вас, лейтенант. Вы мне очень помогли.

Только остатки чувства собственного достоинства – как бы мало оно ни было – заставили Лизу уйти с гордо поднятой головой, а не ссутулившись и вжав голову в плечи. «Если не можешь обеспечить достойную победу, обеспечь достойное отступление». Одна из любимых фраз ее отца.

У грот-мачты Лиза заметила боцмана МакКеллена. Шотландец, как обычно, курил трубку и... скреб дерево растопыренными пальцами. Паруса «Лаксис» еле слышно хлопнули.

– Ветер! Ветер пошел! – донеслось с мостика.

Закрыв за собой дверь капитанской каюты, Лиза все-таки расплакалась. Господи, какая же она, все-таки, дура! И это не лечится.

Может, по прибытии в Глазго стоит сбежать с клипера и сесть на ближайший самолет домой? Папа, конечно, расстроится, но зато она будет избавлена от издевательств всяких Поляковых. Жгучая обида комом подкатилась к горлу, стало трудно дышать. Лизонька сняла очки, смахнула слезы и решительно распахнула иллюминатор, впустив свежий воздух. Ни ветерка, яркое солнце – прекрасный день. Но не для нее. Высунувшись по пояс, Лиза уставилась на свинцовую воду Норвежского моря: волны лениво перекачивались, как живая ртуть – почти

гипнотически. Лиза помотала головой, отгоняя наваждение. Море просто притягивало к себе, казалось, вытянешь руку – и коснешься воды, растворишься и исчезнешь. Исчезнешь... Может, это и есть выход? Исчезнуть, кануть в ртутные волны – и все неприятности пропадут, растворятся в этой воде. Лиза отпустила край иллюминатора и наклонилась вперед еще больше. Еще секунда – и она падает, падает... Злосчастный беседочный узел зацепился за защелку и вернул девушке и равновесие, и ощущение реальности.

Лиза, от греха подальше, закрыла иллюминатор, мрачно посмотрела на веревку с узлом и зашвырнула ее в угол каюты. Можно на этой веревке повеситься. Пусть им всем будет стыдно. Лиза представила Полякова, рыдающего у ее гроба... Нет, этот скорее сам удавится, чем заплачет. А суровый старпом – уронит ли он слезу? А боцман? Боцман – слезу? Разве что уголек из трубки.

Какой смысл умирать, если никто этого не оценит? Вздохнув, Лиза вытерла слезы, прошла в угол и подняла веревку. Ошибки – это уроки, которые мы должны усваивать. Надо будет купить рамку и положить этот узел под стекло. А потом научиться его развязывать.

Глава 13

– А правда, что ветер приходит, если по мачте поскрести?

Валерий переглянулся с МакКелленом.

– Правда, – безапелляционно заявил боцман.

– Не совсем, – одновременно с ним ответил Валерий. – Это суеверие.

Лиза переводила взгляд с одного на другого. Они стояли у борта «Лакесис», ожидая, когда отпущенные в увольнение матросы спустятся на шотландский берег. У коммерческих причалов Глазго было тепло и пустынно; вдали шумел торговый порт, высился лес кранов.

– Никакое не суеверие! – возмутился боцман. – Самый что ни на есть верный способ! Вчера, к примеру, штиль был. И закончился. Почему?

– А вы скребли?

– Скреб. И ничуть этого не стесняюсь.

– Рад за вас. – Валерий снова повернулся к Лизоньке. – Вы, Елизавета Петровна, этим старым волкам не верьте. Скажите спасибо, что друг друга плетью хлестать не начали. Было такое суеверие на русском флоте. Тоже, говорят, ветер приманить помогает.

– О! – Лиза моргнула.

– Что вы такое говорите, Валерий Александрович, – пробурчал боцман. – Какие плети. На этом судне плетей нет.

– Угу. А могу я на палубе посвистеть?

– Ни в коем случае! – в ужасе возопил шотландец. – Шторм будет!

– Вот видите.

Лиза улыбалась, но ничего не сказала. Валерий окинул ее оценивающим взглядом. Что ж, кто-то позаботился о ее гардеробе, это не может не радовать. Невозможно выглядеть совсем дурочкой в элегантном брючном костюме от Валентино. Если бы не дурацкие очки и хвостик... Ладно, ее внешность – ее дело. Тут нужен стилист, а не старпом.

– Что вы хотите посмотреть в Глазго? – спросил у Лизы боцман, когда они оказались за территорией порта, на оживленной улице.

– В первую очередь – оптику, – заявила госпожа капитан. Валерий снова переглянулся с МакКелленом – это становилось привычкой. Оптика?

– Ну что ж, думаю, это не составит проблемы. – Боцман поймал аборигена лет пятнадцати, восхищенно глазевшего на его трубку и килт, и выяснил месторасположение ближайшей оптики. Куда они и направились, предварительно обменяв доллары на фунты.

Симпатичная продавщица увела Лизу в недра магазина, о чем-то оживленно щебеча. Валерий обнаружил, что Лизонька довольно хорошо говорит по-английски. Если бы она так не стеснялась, знание языка можно было бы назвать отличным. В ожидании, когда капитан возвратится, старпом и боцман присели на мягкие стулья у входа.

– Ну, и как поживает твое мнение о капитане, Ян? – после продолжительного молчания поинтересовался Валерий.

Боцман кинул на него хитрый взгляд.

– А ты долго ждал, чтобы спросить, да?.. Ну, вроде она нас меньше бояться стала. Только это тебе, может, видно, да мне видно. А команда зубоскалит.

– Ты им вели попридержать языки.

– Не учи меня моей работе. Помалкивать-то я велел, но вот здесь, – МакКеллен постучал прокуренным пальцем по лбу, – все как было, так и останется. Особых перемен я не вижу. А ты?

– Дай девушке время. Она всего несколько дней на корабле. Освоится.

– Дочь Петра не должна быть такой, – сурово заявил боцман. – Куда он смотрел, а?

– Ты что, собираешься учить начальство воспитывать детей?

– Нет. – Если боцман и имел что еще сказать по данному поводу, то придержал это при себе.

Валерий вздохнул.

– Пойми, ей тяжело. Одна девушка среди толпы заинтригованных мужиков. Сразу на пьедестале. Наверное, она ни с одним парнем в жизни не дружила. – Досье Лизы, которое в краткие сроки собрал для Валерия его помощник, не указывало на наличие в ее жизни лиц мужского пола, кроме отца.

– Ну, в таком случае, она уже освоилась.

– Что ты имеешь в виду?

– Недавно застал их в кают-компании с Коркуновым. Очень мило беседовали. И на осинный лист она похожа не была.

– Ох, и ябеда ты, МакКеллен. Находка для шпиона.

– Это что значит? – заинтересовался боцман. Хотя русским языком он владел очень хорошо, иногда встречались для него новые выражения.

Валерий задумался. Известие о том, что Лизонька кокетничает с Коркуновым, неприятно его царапнуло. Почему? «Потому что я надеялся сам стать ей другом, а кто-то перехватил инициативу». Но, может быть, боцман преувеличивает? Вряд ли Лиза и Коркунов – друзья. Хотя... почему бы и нет? Первый лейтенант умен, привлекателен и начитан – просто мечта тургеневской барышни. Впрочем, это Валерия совершенно не должно волновать. Тогда почему волнуется?

Вернулась Лиза, сжимая в руке небольшой пакетик. Она запихала его в сумочку, и компания выдвинулась на улицу. Было жарко. Валерию очень хотелось поинтересоваться, какие очки капитан приобрела на этот раз, но он никак не мог сформулировать вопрос достаточно вежливо, чтобы не намекнуть на отвратительный дизайн предыдущих. «Старею. А ведь раньше был неплохим дипломатом». Наконец, он ограничился нейтральным:

– Вы довольны покупкой, Елизавета Петровна?

– Да, благодарю вас. – И пояснять не стала. Не очень-то она разговорчива. В отличие от боцмана, который был в восторге от свидания с родиной и сыпал сведениями о Глазго, словно профессиональный гид. Валерий ни разу не был в Глазго, а потом слушал шотландца с интересом.

– Название города переводится с гэльского как «Зеленое место», – оживленно жестикулируя, рассказывал МакКеллен. И действительно, город утопал в зелени. – По преданию, его основал святой Мунго, проживавший на берегу реки Клайд. Благочестивый был человек, много чудес совершил. Был похоронен там, где сейчас стоит кафедральный собор.

Собор Святого Мунго, к сожалению, в этот день был закрыт для посетителей. Валерий, Лиза и МакКеллен обошли его кругом и отправились бродить по улочкам викторианского центра, застроенными одно- и двухэтажными домами. Глазго оказался очень уютным городом. Валерий исподтишка наблюдал за Лизой: она с любопытством оглядывалась по сторонам. Ей явно нравились и зеленые улицы, и мосты через Клайд, и люди вокруг. Есть нечто неоспоримо очаровательное в старых европейских городах.

В конце концов, именно Лиза, вспомнив, что этот город считается центром искусств Шотландии, затащила их в Художественную галерею Глазго. Боцман сразу поскукнел. Валерий шепотом посоветовал Лизе отпустить его на все четыре стороны, что она и проделала со свойственной ей нерешительностью. МакКеллен, как и все остальные, должен был вернуться на борт в две склянки последней вахты – проще говоря, в девять часов вечера. Бормоча благодарности и упоминания о родственниках, проживающих здесь, боцман удалился, оставив Лизу наедине со старпомом у входа в одну из самых богатых художественных галерей в Европе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.